

МИЛЕНА МИЛЛИНТКЕВИЧ

МЫШКА- НОРУШКА

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

"ВСЕ ОТВЕТЫ НА ТОЙ СТОРОНЕ.
НО ЕСЛИ ПОЙДЕШЬ - НЕ ВЕРНЁШЬСЯ"

СОВСЕМ НЕ ДЕТСКАЯ СКАЗКА

18+

Милена Миллинткевич

**Мышка-норушка.
Прыжок в неизвестность.**

«Автор»

2021

Миллинткевич М.

Мышка-норушка. Прыжок в неизвестность. / М. Миллинткевич —
«Автор», 2021

Можно ли выжить в городе, где каждый сам за себя? Остаться без обеспечения — значит потерять право на жизнь. Рита — безработный профориентолог на содержании у родителей. После их гибели и налёта мародёров её ждёт голодная смерть. Неожиданно Рите предлагают работу на бывшем химкомбинате. Там она встречает Ромку - любимого, пропавшего в день обручения. От него Рита узнаёт, что на секретном объекте проводят эксперименты над людьми. Обоим грозит смертельная опасность. Но выбраться с объекта, находящегося под землёй, совсем не просто.

© Миллинткевич М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Милена Миллинткевич

Мышка-норушка.

Прыжок в неизвестность.

Часть 1. Смерть на пороге

Глава 1

И зачем проснулась? Знай я, что произойдёт в этот день, предпочла бы спать дальше и не выходить из дома. Больше сплю – меньше ем – дольше живу... Но в том то и проблема. Я не могу делать то, что хочу. У меня нет прав. Никаких! Ведь я – обнуленная.

Даже право на жизнь мне не принадлежит. Им распоряжается правительство, которое по своему усмотрению способно лишить обеспечения. Моё право на жизнь принадлежит родителям, чьи продукты я ем. Мигающему идентификатору, вживленному в запястье через сутки после рождения. Именно он анализирует мое состояние и отсчитывает годы, месяцы, дни... Сколько там человек живёт без еды?

Когда цвет индикатора на браслете станет оранжевым, это значит, начался обратный отсчёт. Я умираю. Красный цвет не суждено увидеть никому. Даже бледный его оттенок. Он появляется в тот миг, когда угасает человеческое сознание.

Но пока... Пока свет бледно-голубой, и мне нужно пойти к пайкомату. Получить для родителей положенные по обеспечению контейнеры с продуктами. В назначенный день, в точное время, определённое не нами.

Не пойду или опоздаю – положенное на неделю отдадут другим. Нашу норму урежут вдвое. К тому же, это единственный способ выйти со двора. Обнуленным запрещено удаляться дальше пятисот метров от дома. В следующий раз смогу выйти только через неделю. Так что пора собираться. Надеть душный СКЗ¹, взять тележку и войти в биопропускник²...

– Рита! Собирайся! Пора идти за продуктами, – из раздумий выдернул голос мамы.

Она шарила руками по карманам, столику, полкам и с беспокойством поглядывала на часы:

– Где же мой пропуск на выход из дома?

– Ты вчера ездила на работу с сумкой, – напомнил папа, отрываясь от планшета.

– Ах да! Точно! В госпитале выдавали доппаёк, – обрадовалась мама, достала из шкафа пластиковый бокс с аксессуарами для улицы и открыла внутренний карман хозяйственной сумки. – По дороге домой нас еще патруль останавливал. Искали экстремистов. И зачем я пропуск сняла? Зачем сюда положила?

Посмотрев на старинные часы на стене, я вздохнула. Стрелка неумолимо ползла по кругу. Когда она остановится на цифре три, мне нужно выйти из дома. Хотя какое-то развлечение в черед однообразных дней полных вынужденного безделья и тяжких раздумий о беспросветном будущем.

Когда закрыли школу, уволили всех. И меня, хотя мои знания могли бы пригодиться. Но кому нужен профориентолог, если то, кем быть решают власти города Чернореченска после консультации с представителем Высшего совета Бинской агломерации?

Остаться без работы значит лишиться всего. Да! У меня ничего нет. Хотя мне и без малого двадцать пять лет, я завишу от родителей. Странно, что после обнуления у меня не

¹ СКЗ – средство комплексной защиты, включает герметичный комбинезон с капюшоном, обувь, полнолицевую маску и перчатки.

² Биопропускник – камера для санитарной обработки.

отозвали разрешение на брак, выданное полтора года назад. Как раз за неделю до того, как в день обручения мой жених пропал. И никто не знает куда. Жив ли. Да и какая сейчас разница. Мне нужно думать о том, как продержаться подольше.

И раз уж я не в состоянии обеспечить себя сама, буду помогать родителям в меру сил. Моя помощь – это уборка, готовка, ведение отчётности и получение продуктов. И сегодня как раз такой день.

Я достала из шкафа объёмный контейнер, с моим именем на передней стенке. В таких мы храним защитную одежду для выхода на улицу. Поставила у двери на банкетку и сняла крышку.

Громкость на видеостене, занимавшей внушительное место посреди общей комнаты, увеличилась. Сама. Это происходило всякий раз, когда власти запускали в эфир срочное сообщение или экстренные новости. Прислушалась. Тревожный голос диктора становился всё громче и отчётливее:

«... коды доступа к системе спутниковой связи 15G-M оказались в руках террористов. Утром 19 августа на центральных площадях и улицах ряда городов смежных агломераций одновременно прогремела серия взрывов. Неустановленные лица дистанционно подорвали смарт-гаджеты, планшеты, а также мелкие и крупные девайсы горожан, ожидавших очереди у пайкоматов. По неподтвержденным данным, погибло более полутора тысяч человек. Радиус действия взрывных устройств составил от 50 до 150 метров...»

– Сколько они ещё будут крутить этот ролик? – недовольно пробурчала мама. – Уже две недели с утра до вечера твердят одно и то же.

Я прикрыла контейнер крышкой и вошла в комнату. С видеостены на меня бежали люди. Крича, и давя друг друга метались по площади, спотыкались, падали и в который раз не успевали убежать от двух взрывов, прогремевших один за другим.

«...В связи с трагическими событиями, после тщательной проверки и экспертизы обломков, власти вынуждены сообщить, что электронные устройства отныне не являются безопасными. Все гаджеты и девайсы, поддерживающие 2G и выше, являются угрозой жизни граждан и подлежат немедленной утилизации...»

– Они думают, есть ещё безумцы, кто оставил эти бомбы у себя? – каждый раз я смотрела ролик и не понимала, неужели можно быть столь беспечным, когда от твоих действий зависит не только собственная жизнь, но и жизнь тех, кто находится рядом.

Мама испуганно посмотрела на меня и перевела взгляд на папу:

– Твои девайсы ведь проверяли, верно? – в её голосе было столько тревоги, что мне стало страшно.

– Разумеется, проверяли. Это мои рабочие инструменты. В них нет ничего опасного. Я же должен следить за исправностью систем, – едва заметная улыбка тронула папины губы.

Но маму его слова несколько не успокоили. Видимо, он это понял, отложил планшет, подошёл к ней и обнял за плечи:

– Мои девайсы работают от военной системы связи, не гражданской. Там нет опасных технологий. Верь мне! Я бы ни за что не стал рисковать вами. Прошу, не волнуйся понапрасну!

– Это хорошо! – с облегчением прошептала мама.

Она прижалась к папе и покосилась в мою сторону. Их редкие, неловкие минуты нежности смущали. То ли потому, что они родители, то ли от того, что я ещё не замужем. Память всколыхнула и без того тяжёлые воспоминания.

Мой жених, бывший одноклассник Ромка Юдин. Он офицер, и потому нам без проблем выдали привилегированное разрешение на брак, позволяющее иметь ребёнка. Не всем так повезло, как нам. В тот день, когда я видела его в последний раз, он пригласил меня вечером к себе. Сказал, что хочет поговорить о чём-то очень важном. Конечно все знали, что он собирался сделать мне предложение. Ромка пообещал заехать после службы и... больше не появлялся.

– Перестань думать о нём! Не изводи себя. Люди пропадают и последнее время всё чаще, – твердил папа.

Но я не могла. То одно, то другое всё время возвращало меня к событиям того дня, не позволяя забыть...

От болезненных воспоминаний отвлек новый репортаж по видеостене:

«Сегодня утром пришло известие о трагических событиях в городе Лужине. На центральной площади террористы совершили подрыв нескольких электронных девайсов, находившихся в непосредственной близости друг от друга. Это вызвало цепную реакцию, что повлекло серию взрывов, полностью уничтоживших город и всех его жителей, – монотонно бубнил с экрана диктор, показывая жуткие картинки безлюдного, раскуроченного взрывами, города и обезображенные тела погибших. – Чтобы обезопасить общество от угрозы уничтожения, власти постановили: во избежание внезапного нападения, всем жителям Чернореченска необходимо сдать электронные приборы и приспособления в установленный срок. За своевременное выполнение распоряжения властей будет начислено две тысячи баллов кредита лояльности за каждый сданный девайс. Не подвергайте опасности свою жизнь и жизнь близких. Берегите себя!»

– Скорее бы всё закончилось! – вздохнула мама. – Смотреть страшно на эти ужасы.

В этом она была права. Бабушка рассказывала, как когда-то давно они любили с дедом провести вечер за просмотром фильма или интересной передачи по... как она это называла? А! По телевизору. Я его видела только на картинках. А этих развлекательных передач не застала вовсе.

Да и вообще не припомню, когда по видеостене показывали что-то жизнеутверждающее. Всё больше твердили о рейтинге гражданского доверия, о новых штрафах в форме списания баллов кредита лояльности, о комендантском часе, режиме пропусков на выход из дома, о террористах и масштабных разрушениях в разных местах агломерации и соседних регионов, погромах, набегах мародёров, разрушенной экстремистами инфраструктуре и отравленной окружающей среде. С раннего утра до позднего вечера мы все вынуждены слушать новости, сводки, информационные блоки и снова новости. И так по кругу, каждый день.

Помнится, ещё в детстве нашла у деда в ящике длинный плоский предмет с множеством кнопочек. Он сказал, это пульт от телевизора. Дед хранил его как память о тех временах, когда они сами могли решать смотреть им телевизор или нет, какой канал, какую передачу выбрать.

Теперь такого нет. Видеостена включается, как только в доме кто-то просыпается и выключается, когда последний ляжет в кровать. Отключить – невозможно. Убавить громкость – нереально. Видеостена управляется не жителями, а властями. И хорошо ещё, если она в доме одна. Были те, кто в своё время дал согласие на установку нескольких таких панелей. Бесплатно же. Вот им точно не позавидуешь. У нас можно на второй этаж уйти в спальни. Закрыть двери и если не скрыться, то хотя бы ненадолго приглушить поток негативной информации.

Громкость панели снизилась. Диктор монотонно зачитывал сводку за прошедший день по умершим и пропавшим без вести. Слушая вполуха и надеясь, что знакомых имён сегодня не будет, пошла одеваться.

С улицы долетел гул медленно проезжающей машины с громкоговорителем, и противный электронный голос повторил всё то, что несколько минут назад мы слышали с экрана: про девайсы и гаджеты убийцы, отравленную природу и режим пропусков.

– Может, и правда не все сдали опасные устройства, – предположила я, натягивая на себя прорезиненный уличный комбинезон, надевая поверх обуви силиконовые защитные бахилы и застёгивая их на кнопки.

– Наверняка, – отозвался папа. – Иначе уже давно перестали бы об этом говорить.

Водрузив на лицо полнолицевую маску, затащила потуже капюшон, втиснула руки в высокие перчатки и обернулась. Мама и папа собирались на работу. Время неумолимо отсчитывало минуты до прихода их автобуса. Опаздывать – непозволительная роскошь. Транспорт ждать не будет. К тому же за опоздание можно лишиться нескольких баллов в рейтинге. Мысли обо всех этих ограничениях то водили меня в непонятный ступор, то раздражали до бешенства. Оглянувшись ещё раз, достала из шкафа тележку, поставила на неё пустые контейнеры и поёжилась. Внезапно накатило гнетущее ощущение надвигающейся беды.

– Ушла! – прокричала я и повернулась к биопроектору.

Среагировав на браслет-идентификатор, внутренняя дверь открылась. Я вошла в камеру, нажала красную кнопку и прислушалась. За спиной щёлкнули запоры. Послышалось приглушённое шипение, громкий лязгающий звук и входная дверь плавно распахнулась передо мной узкий проём.

Камеры санобработки появились во всех домах несколько лет назад, когда после очередных проб учёные подтвердили, что и воздух, и почва опасны для человека. По распоряжению властей в домах установили стационарные очистители и приборы контроля воздуха, агрегаты для насыщения его кислородом, биофильтры и биопроекторы, внутри которого человек или груз три минуты обрабатывались водяной пылью со специальным обеззараживающим составом, потом ещё две обдувались воздушной смесью с антисептиком, и только после этого дверь в помещение автоматически открывалась. Такие меры защиты позволяли находиться в доме без масок.

Распахнув дверь, я шагнула на улицу.

Ветер теребил ветви деревьев, вырывая из памяти и поднимая в воздух картинки, далёкие и почти забытые. Как же приятно было ощущать на коже свежесть утреннего ветерка! Бывали дни, когда я шла к реке и даже в жару на берег долетала искрящаяся на солнце водяная пыль. Ощущение блаженства! Желанная прохлада в полуденный зной. Теперь всё иначе. Из дома можно выйти только в средствах комплексной защиты. Ни дуновения ветра, ни водяной пыли, ни запаха свежести...

Я подняла голову и посмотрела на старое дерево поздней алычи, что росло у забора. Её ветки облепили ярко-красные и бордовые плоды. Можно собирать урожай... Можно было собирать. Теперь нельзя. Вся эта красота осыплется на землю, покрыв её гнилостным ковром.

Всё, что растёт из земли в незащищённом грунте отравлено. А то, что кладут в продуктовые контейнеры съедобно, иногда даже вкусно, но думать, из чего это сделано и как выращено, совсем не хочется. Спасибо, что хоть снабжают продуктами.

Купить что-то и раньше было трудно. Все частные предприятия питания и торговли закрылись. Кто разорился из-за постоянных ограничений и отсутствия посетителей, кому власти запретили. Работали только государственные магазины и кофейня. Но с введением военного положения, закрылись и они. Говорят, где-то есть чёрный рынок продуктов. За золото можно купить всё. Но у населения золота почти не осталось. Его и выдавали-то крохи. А после энергетической войны и вовсе перестали.

Открыв калитку, я выглянула на улицу. Мимо, низко опустив голову, прошёл соседский мальчик с тележкой. По виду лет тринадцати, может больше. Его имени я не знала. На тележке

– один большой контейнер. Отцу выдали, как работнику электростанции. А их в семье трое, и они всегда первыми получают продукты, потому, что живут в начале квартала.

Его мама работала в кофейне, здесь на острове, в городке химкомбината. Варила удивительный кофе с имбирём и корицей. Восхитительный аромат встречал меня ещё на соседнем квартале и вёл за собой на летнюю веранду уютного заведения. Теперь она без работы. Им с сыном продукты не полагаются. Моя мама говорила, что отец мальчика уже дважды попадал к ним в госпиталь. От недоедания у него случались затяжные обмороки. Он, как ей удалось узнать, совсем не ест дома, оставляя положенные ему продукты семье. Так и живёт от обеда, которым кормят на станции, до обеда.

Посмотрев мальчику вслед, поймала себя на мысли: хочу, чтобы он поскорее вошёл во двор. Мало ли что?

Нам повезло. Мы живём в начале улицы, по соседству с пайкоматом. Наш номер в очереди третий. Дом совсем рядом и риск нарваться на мародёров невелик. Можно сказать, его вообще нет. Вокруг камеры, над дорогой летают дроны – следят за порядком. Хуже всего тем, кто живёт в глубине квартала. Там мало камер, да и дроны летают редко. В тех закутках часто совершают нападения.

Я огляделась. Пустынная улица навевала нестерпимую грусть. Когда-то мы бегали здесь детьми. Я, Ромка Юдин, Витька Болтарев, его младший брат Гера, маленькие Сева и Юра, да Маша, самая старшая из нас. Часами сидели под большим раскидистым дубом, что рос на развилке дорог. Прятались в ветвях, потом прыгали в траву. Бабушка всегда боялась, что переломаем руки и ноги.

С наступлением сумерек старшие рассказывали страшилки, а мы, с визгом разбегались по дворам, забирались под одеяла и по полночи тряслись от страха. А утром после завтрака, неслись к старому дубу, и всё начиналось сначала.

Теперь без надобности на улицу никто не выходит. При отсутствии особого разрешения от дома не отойти, а безработным пропуска и вовсе не положены. Единственная на острове школа закрыта. У детей бессрочные каникулы. Да их почти и не осталось.

Мои детские друзья не все успели вырасти. Юра умер в первую весну после войны, как сказали, от отравления воздухом. Севу родители сразу же увезли за реку. Больше они на остров в городок химкомбината не возвращались. Маше запретили создавать семью и иметь ребенка, а спустя полтора года она пропала без вести. Её тела так и не нашли.

С братьями Болтаревыми всё сложнее. Геру выгнали из школы за драку, которую затеял старший брат накануне выпускного. А вскоре их семью обнулили. Таким из дома не выйти. Остаётся только сидеть и ждать смерти. Папа говорил, какое-то время их выручала работа по социальным нормам.

Последний раз я видела Витю мельком. В начале зимы он приходил к папе. Хотела спросить, как дела, но не успела. В его доме начался пожар. Родители погибли. Больше я про них с братом не слышала. Живы ли?

Нет, наверняка живы! Витька – проныра! Обязательно нашёл бы способ выбраться из передраги. Он такой!.. Из детской компашки оставался только Ромка. Но и он пропал. Давно уж нет раскидистого дуба. Его спилили, чтобы не мешал дронам летать. Осталась только я...

Вспоминая прошлое, подошла к пайкомату. И почему его сделали похожим на театральную тумбу? Бабушка показывала мне её на старых фотографиях. На подобных конструкциях размещали афиши. Теперь же цилиндр выдаёт продукты. Гладкая серебристая поверхность, никаких выступов, ручек и кнопок. Только узкий продолговатый сканер светится зелёным.

Я поднесла руку с браслетом к датчику. Наверху цилиндра загорелась широкая зелёная полоса, и тут же серебристая поверхность вспыхнула голубым светом дисплея. На экране побежали цифры и электронный голос произнёс:

– Здравствуйте. Маргарита Вардина. Рейтинг гражданского доверия положительный. Статус «обнулённая». Доступ разрешён.

В цилиндре что-то щёлкнуло, и нижняя часть передней панели сбоку от сканера опустилась.

– Поставьте пустые контейнеры на платформу. По одному, пожалуйста, – велел голос.

Привычным жестом я отправила тару на подвижную платформу. Когда приёмная ниша закрылась, распахнулась другая.

– Поднесите браслет к внутреннему сканеру и получите ваши наборы. К выдаче два. Два, – монотонно изрёк голос.

Подвинула тележку поближе, просунула руку в расцветенный красным «рот» пайкомата с сенсорами, камерами, и датчиками вместо зубов. Поднесла браслет к сканеру. Красный цвет сменился бело-голубым. Платформа поднялась. Я достала первый контейнер. Ставя на тележку, подумала, что сегодня он тяжелее обычного. Второй по весу такой же, как и прежде.

Первый – папин. Второй – мамин. На меня, как «обнулённую», продукты не выдавали. Хорошо, что рейтинг гражданского доверия остался положительный. Значит, из базы потенциальных работников не исключили. Есть шанс, пусть и призрачный, но всё же не безнадёжный, однажды получить работу.

Обычно панель сразу закрывалась, но на этот раз осталась открытой. На неделе у папы день рождения. Юбилей. Так, что, если из-за военного положения дополнительных ограничений не ввели...

Внутри пайкомата раздался щелчок. Платформа вновь поднялась. На ней стояло два дополнительных контейнера – средний и маленький. Обрадовавшись, я схватила оба разом, поставила на тележку и краем глаза увидела, как серебристая панель закрылась.

– Благодарим за лояльность. Удачной недели.

Последнее пожелание я всегда воспринимала как издёвку. Какой удачи можно желать, если живем, будто звери в своих домах – клетках? Адская обыденность, которую и жизнью-то сложно назвать.

Когда после смерти бабушки мы переехали из центральной части Чернореченска на остров в городок химкомбината, я думала, что с получением продуктов возникнут проблемы. Но как оказалось, если переезд согласован с властями – нет проблем.

На острове выдача происходит быстрее. Это в городе на один пайкомат больше двухсот пятидесяти жителей в день. Опоздал, пропустил свой номер, кто-то замешкался и время ушло – никому и дела нет. Закончились сутки, не успел получить – твои проблемы. В полночь начинается выдача за следующий день. А здесь на острове не более ста человек на один пайкомат. Все успевают.

На противоположной стороне улицы приоткрылась калитка, и пожилые соседи выглянули со двора. Их номер четвёртый. Для получения продуктов достаточно, если придёт кто-то один. Но эти двое стариков всегда приходили вместе.

Их тоже в семье было трое, но контейнер с продуктами полагался только сыну, который служил в полиции. Когда он погиб в схватке с экстремистами, пытавшимися прорваться в город через заграждения, его набор закрепили за родителями. Правда, мне кажется, что с введением военного положения их контейнер стал значительно меньше.

Неправильно это, выдавать продукты только работающим. А как же те, кто не по своей воле лишился должности? Как же старики, которые всю жизнь трудились? Дети? Ходили слухи, что для детей работающих, пусть мало, но всё же продукты выдавали. Так это или нет, кто знает? А вот безработные в семье – лишние рты. Нахлебники. Это и про меня...

Нет, я не жалею. Нашей семье хватает. А профориентолог теперь никому не нужен. Это к выпускному классу ученики должны иметь подробную карту личности, чтобы получить

направление на дальнейшую учёбу или работу. Во взрослом мире мои знания не нужны. Так что и обеспечение мне не полагается, а на родителей выдают максимальные наборы.

Папу кормят в столовой при комбинате. Он не берёт с собой еду. Да и маме в госпитале два раза в месяц полагается допаяк, как она говорит «за вредность». А как живётся этим старикам? Один контейнер на двоих, это же так мало...

Задумавшись о несправедливости, я не вписалась тележкой в калитку и сбила на землю верхний бокс. Хорошо, что их герметично закрывают, содержимое осталось внутри. Нагибаться в защитном комбинезоне неудобно. Присев, подняла контейнер. Моё внимание привлекла яркая этикетка внутри. Обычно упаковка продуктов не радует игрой красок. Попытка разглядеть через матово-белый пластик незнакомую обёртку оказалась тщетной. Водрузив маленький контейнер поверх больших, я потащила тележку к крыльцу.

До того как ввели военное положение, обеспечение было лучше. Сначала проводили опросы, выясняли вкусовые предпочтения, сверяли с медицинскими картами, чтобы никто не вписал лишнего. За участие в социологических программах обещали начислить большое количество баллов. Многие согласились. Те, кто отказался, потом жалели. Во-первых, они лишились сразу пяти тысячи баллов за каждого члена семьи. Это почти средняя зарплата за месяц. Такая удача за простой опрос. Во-вторых, содержимое их продуктовых контейнеров после корректировки не отличались разнообразием.

Нормы были рассчитаны так, что всего хватало. Люди не голодали. Теперь же всё изменилось. Если в семье нет работающих, или того хуже, у кого-то рейтинг гражданского доверия отрицательный, то о продуктах можно забыть. Долго ли проживёт семья на скудных запасах? Это неправильно!

Обычно я захожу в биопроектор вместе с поклажей, нажимаю красную кнопку. Входная дверь герметично закрывается, а после пятиминутной обработки загорается зелёная лампочка и открывается внутренняя дверь. Я втащила ношу на крыльцо, поднесла браслет к сканеру. Зашипев, входная дверь щёлкнула и открылась, и тут в привычную тишину улицы ворвались крики и шум.

Я вкатила в камеру санобработки тележку с контейнерами и выскочила на крыльцо. Просунув руку в дверной проём, нажала кнопку и поспешила вниз, к калитке.

Осторожно высунув голову, выглянула на улицу. Дядя Жора, сосед, получающий наборы под номером шесть, колотил продуктовый терминал кулаками и кричал:

– Открывайся, ты, консервная банка!

Серебристый цилиндр отсвечивал красным, и электронный голос громче обычного вещал на всю улицу:

– Вы утратили рейтинг гражданского доверия. Рейтинг отрицательный. Статус «обнулённый». Ваш кредит лояльности заблокирован. Доступ к системе жизнеобеспечения заблокирован. Отойдите от терминала. Доступ заблокирован. В случае неповиновения вызывается наряд полиции.

Со двора напротив выбежала тётя Люся и бросилась через дорогу к пайкомату.

– Что случилось? – кричала она мужу.

– Эта консервная банка не выдаёт мои продукты, – дядя Жора ещё раз стукнул терминал кулаком. – Должно быть, сканер сломался. Ещё дед говорил, если что-то не работает, нужно как следует потрясти или хорошенько стукнуть. И всё будет как надо!

Озираясь по сторонам, тётя Люся потянула мужа за руку:

– Может, твой идентификатор испортился? Дай я попробую.

Она поднесла к сканеру руку. Раздался пронзительный сигнал и электронный голос повторил:

– Вы утратили рейтинг гражданского доверия. Рейтинг отрицательный. Статус «обнулённый». Ваш кредит лояльности заблокирован. Доступ к системе жизнеобеспечения забло-

кирован. Отойдите от терминала. Доступ заблокирован. В случае неповиновения вызывается наряд полиции.

Соседка опустила руку и повернулась к дяде Жоре:

– Это что же, мы умрём от голода?

– Как бы не так! – взревел тот и принялся колотить терминал ногами. – Я не уйду, пока чёртова штуковина не отдаст мне мои продукты! Я работаю! Они мне должны!

Тётя Люся схватилась за голову, заходила туда-сюда, а потом набросилась на мужа:

– Всё из-за тебя! Это ты виноват! Я говорила, отдай всё, что они требовали! А ты...

Тётя Люся содрогнулась всем телом и заскулила.

– Как они узнали? – колотил кулаками по цилиндру дядя Жора.

– По излучению или радиоволнам, – мотала головой жена. – Не знаю, как это работает.

– Да какие волны, что ты мелешь? Он же выключен! Связи уже давно нет. Но я его не отдам. Слышишь? Это подарок моей матери. Последний! Это память!

Дядя Жора с силой пнул пайкомат ногой.

– Я же просила всё отдать! – схватив его за руку, тётя Люся попыталась оттащить мужа от цилиндра. – Теперь мы умрём! Твои дети умрут от голода! Это ты понимаешь? Что нам теперь делать?

Дядя Жора развернулся и что было сил, ещё раз пнул ногой пайкомат. Серебристый цилиндр полностью окрасился слепяще-красным и стал издавать резкие короткие звуковые сигналы, такие, что даже на расстоянии в капюшоне ушам было больно.

Из-за угла показался грузовик военных и машина полиции. Резкие звуки стихли. Зато из громкоговорителя послышался уже не электронный, а вполне человеческий голос, пропитанный угрозой:

– Отойдите от терминала! Вернитесь домой!

– Эта дурацкая консервная банка сломалась! Сканер заело! – закричал полицейским сосед. – Я работаю. Вот!

Он сорвал с комбинезона прикрепленный к карману пропуск на выход из дома и потряс им в воздухе.

– Мне положено обеспечение!

– Отойдите от терминала! Вернитесь домой! – угрожающий тон не предвещал ничего хорошего.

– Мне нужны продукты!

Как ни старалась тётя Люся сдерживать мужа, он всё не унимался. Вместо того чтобы отступить и подчиниться, стал выкрикивать ругательства. Его не остановил даже резкий треск автоматной очереди, выпущенной в воздух.

– Ну и что вы сделаете? Застрелите меня? Да? Стреляйте! Я и так скоро сдохну!

Дядя Жора подпрыгивал, размахивая кулаками, и кидался на, вышедших из машины, полицейских.

– Вернитесь домой! – рычал голос в громкоговорителе.

– Пойдём, Жора! Прошу тебя! Пойдём! – умоляла тётя Люся.

Но сосед, словно цепной пёс, огрызнулся на неё и вновь бросился на полицейских.

Следующая автоматная очередь угодила в основание между бордюром и дорогой. Я почувствовала, как по лбу побежали струйки ледяного пота. Любой бы на месте дяди Жоры испугался и отступил, но не он.

Всё произошло так быстро... Не уверена в том, что увидели мои глаза. Сосед, зарывав, бросился на полицейских. Тётя Люся повисла у него на руке, пытаясь оттащить прочь. Стрекочущий звук новой очереди разорвал мир, и... все звуки вокруг исчезли. Как в замедленном кино, о котором часто рассказывал дед, дядя Жора вскинул руки, тётя Люся неестественно

выгнулась назад, и оба они рухнули на проезжую часть. В руках у дяди Жоры осталась перчатка тёти Люси, обнажив её пальцы и запястье с мигающим идентификатором.

Выбежав из калитки, я бросилась к соседям. Вдох, другой, третий... Видно, бытовые маски не предназначены для бега. В глазах потемнело. Дышать полной грудью никак не получалось. Ещё вдох. И ещё. Соседи всё ближе. В мире нет звуков, только моё прерывистое дыхание, да гулкие удары сердца в горле и ушах...

Обессилив на полпути, остановилась. Вспомнилось, как в детстве дед читал мне заметки о Великой отечественной войне 1941-1945 годов. О концлагерях. О душегубках. Попыталась продышаться, но воздуха не хватало. В голове мелькнуло: так вот, что чувствовали люди, умирая в газовых камерах? В глазах потемнело. Непроизвольно дёрнула шнурок капюшона, сорвала маску, сделала глубокий вдох...

Перед моим взором заплясали разноцветные блики и побежали чёрно-белые круги. Слабость разлилась по телу, сделав его невероятно тяжёлым. Я стала оседать на дорогу, и в тот же миг сильные руки подхватили меня и усадили на бордюр. Это был... полицейский? Или военный? Не разобрала... В ушах шумело, а в глазах стало совсем темно.

Мне на лицо легла мягкая маска, и сладковатый газ мощной струёй потёк в рот. Вдох. Ещё одни. В голове прояснилось.

– Вам надо вернуться домой! Вы подвергаете свою жизнь смертельной опасности! – ворвался в оглушающий стук сердца спокойный обволакивающий голос. – Сделайте три вдоха и задержите дыхание. Одну вам вашу маску.

Я подчинилась. Дышать кислородом было легко и приятно. Сделав два коротких и три глубоких вдоха, замерла и отчего-то зажмурилась. Почувствовала, как исчезла маленькая маска, а на её месте появилась моя полнолицевая. Он даже капюшон мне натянул и заботливо завязал шнурок.

– Можете дышать, – услышала я.

Открыла глаза и посмотрела на спасителя. Военный. Маска почти полностью скрывала его лицо. Только вот глаза...

– Вам помочь подняться? – спросил он.

Молча протянула ему руку и встала. Где я видела этот взгляд?

– Спасибо, – прохрипела, смущенно опустив голову.

Только теперь до меня дошло, что я натворила. Об отравленном воздухе по видеостене без устали твердят из месяца в месяц. Какая же я дура! Чуть сама себя не убила!

– Вернитесь домой! – немного помедлив, повторил мой спаситель.

На этот раз он говорил громко, сухо и отстранённо.

Покосившись на полицейских, столпившихся возле тел соседей, я испытала дикий страх. Мне бы бежать, да нет сил двинуться с места.

– Не приближайтесь! Вернитесь домой! – прокричал военный, видимо старший офицер.

– Немедленно вернитесь домой! – так же громко повторил мой спаситель.

Я кивнула и побрела к калитке. Но, сделав два шага, остановилась и оглянулась. Что-то изменилось. Нет, не кровавое пятно привлекло моё внимание, хотя, должна признаться, оно было огромным. Я не могла оторвать взгляд от идентификатора на руке погибшей. Браслеты родителей, мой – светились бело-голубым. А у тёти Люси оранжевым как апельсин.

Старший офицер склонился над застреленными, а, выпрямившись, что-то негромко сказал стоявшим рядом военным. О чём они говорили, не расслышала. Стараясь не думать о том, чему стала свидетелем, пошла домой. Ноги отказывались подчиняться, словно к ним привязали пудовые гири. Да и как выбросить из памяти увиденное? Только что люди были, и вот их уже нет.

У калитки обернулась и наткнулась на колючий взгляд старшего офицера. Не сводя с меня взор, он о чём-то говорил подчинённым. Неужели обо мне? Взгляд привлекло яркое

пятно на руке тёти Люси. Идентификатор стал насыщенно-красным. А был оранжевым. Страшная догадка пронзила ударом тока – тётя Люся была жива, когда офицер склонился над ней. Он не помог ей. А теперь она мертва...

Мертва!

Военные принесли пластиковые пакеты, налетели на погибших гурьбой и вот они уже несут их в машину.

Судорожно вздохнув, раскрыла калитку и шагнула вперёд. За спиной послышались крики. Обернулась. Со двора соседнего дома полицейские выволокли на улицу двух упирающихся подростков. Старший офицер подскочил к ним, что-то говорил, потом стал кричать. Из обрывков долетавших фраз я поняла, что их забирают в приют. Офицер говорил им что-то ещё – не разобрать. Сыновья дяди Жоры и тёти Люси успокоились и сели в машину полицейских. Хорошо, что место гибели родителей от них заслонял грузовик. Что им скажут? Как оправдают смерть близких людей?

Улица опустела. Заходя в биопропускник, я никак не могла собраться с мыслями. Вид смерти наваял страшные воспоминания детства, на многие годы изменивших моё отношение к этому событию.

– Что там произошло? – в дверях меня ждала встревоженная мама.

– Мы слышали стрельбу. Рита, с тобой всё в порядке? – папа подошёл так близко, что не будь он в защитном комбинезоне, я прижалась бы к нему как в детстве.

– У дяди Жоры и тёти Люси заблокировали доступ. Их обнулили, – стянув капюшон и маску, я повалилась на банкетку.

Слова давались с трудом, застывая на языке:

– Они не смогли получить продукты. Вместо того чтобы уйти, дядя Жора стал тарабанить по пайкомату. Приехали военные, полиция...

У меня сдавило грудь. Я шумно схватила ртом воздух, будто выброшенная на горячий песок рыба:

– Их застрелили... Застрелили, представляете!

Обжигающие слёзы побежали по щекам.

– Я бросилась к ним. А мне велели идти домой.

– А дети? – мама испуганно покосилась на папу.

– Их забрали. Они не хотели идти, но полицейские что-то говорили про приют, еду... Я не разобрала. Они пошли. Сами.

– Для них так будет лучше, чем от голода умирать, – папа вздохнул и посмотрел на маму.

На мгновение мне показалось, что я вернулась в детство. Родители всегда так переглядывались, когда пытались от меня что-то скрыть.

– Не понимаю, – удивилась мама. – Мне всегда казалось, что соседи были лояльны властям. У Жоры была хорошая работа. Что могло произойти?

– Тётя Люся обвиняла дядю Жору в том, что он не сдал какой-то гаджет... Кажется, подарок его матери.

– И ты ещё удивляешься, почему целыми днями крутят этот ролик про девайсы-убийцы? – замотал головой папа.

– Как они смогли узнать, что сосед его припрятал? – я и правда этого не понимала.

– Они могут всё! – тихо ответил папа. – Видят нас насквозь. Даже сейчас следят за нами. Столько тревоги в его голосе я не слышала уже очень давно.

– У нас в доме камеры? – испугалась я.

– Ты не так поняла. Они следят за нашим состоянием.

Папа развернул руку. Его браслет мерцал бело-голубым. Едва заметные вспышки. Папа медленно выдохнул, и вскоре свечение стало ровным, как и прежде. Он взял меня за руку и

развернул внутренней стороной наверх. Мой браслет буквально сверкал голубоватыми всполохами.

– Возьми себя в руки. Слышишь? Дыши ровнее. Медленнее. Вот, умница!

Я постаралась успокоиться. Мерцание браслета и, правда, погасло. Свет стал ровным бело-голубым, как и прежде.

– Зачем ты это сделала? – мама покосилась на часы.

– Что сделала?

– Ты сказала, что бросилась к соседям, когда они упали.

– Я хотела помочь.

– Рита! – тяжело выдохнул папа. – Сколько раз об этом говорили? Тем, кто утратил рейтинг гражданского доверия ни в коем случае нельзя помогать. Ты навлечёшь на нас беду.

– Но они же люди! Наши соседи! Неужели ты остался бы в стороне, случись такое у тебя на глазах?

Папа задумался:

– Не знаю, дочка! – он выглядел растерянным. – Наша жизнь никогда не была лёгкой. Хорошо ещё, что у нас с мамой есть работа.

Он понизил голос, и заговорил совсем тихо:

– Люди пропадают... Взрослые, старики, подростки... Мы должны думать прежде всего о себе, а не о тех, кто нас окружает. Понимаешь?

Я видела, что папа напуган, но его слова никак не укладывались в моё понятие о справедливости.

– Я не понимаю! Бабушка всегда говорила, что нужно помогать тем, кто попал в беду. Она рассказывала, что именно это помогло им с дедом выжить в... Как она их называла? Лихие девяностые!

– Всё верно! – согласилась мама. – Тяжёлое было время.

– Всё верно! Когда-то так и было! – поглядывая на часы, закивал папа. – Добрососедские отношения, взаимовыручка, сострадание были в цене. А теперь если у тебя низкий рейтинг гражданского доверия или недостаточно кредитов лояльности ты никто. В дом не подадут ни воду, ни свет. В пайкомат не поступит обеспечение. Ты не сможешь рассчитывать на медицинскую помощь, завести семью, детей. Ничего не сможешь... У обнулённых есть лишь три пути – стать мародёрами и ждать, когда их отловят и расстреляют. Свести счёты с жизнью, чтобы избежать голодной кончины. И, собственно, она сама, голодная, холодная, мучительная смерть. Понимаешь? Так что давай без глупостей, ладно?

Меня пугали папины слова, но я знала, что он прав.

– Хорошо, папа! Обещаю!

– Вот и молодец!

Папа коснулся моего подбородка и легонько стукнул по кончику носа, как когда-то в детстве. Он всегда так поступал, желая меня подбодрить.

Раздался короткий звук зуммера, пронзительный и неприятный, заставивший нас всех встрепенуться.

– Нам пора, – грустно улыбнулась мама и протянула папе перчатки. – Сейчас придёт автобус.

– Берегите себя, – проронила я вслед закрывающейся двери биопропускника.

Глава 2

Ещё один день. Безделье и надоевший до тошноты несмолкаемый голос диктора новостей. Из всех развлечений, доступных мне, лишь домашние дела, которые я целиком взяла на себя, и чтение. Книги – живые, бумажные, дышащие, а не бездушные электронные накопители, вот что доставляет истинное удовольствие!

С малых лет меня восхищала комната на первом этаже, которую бабушка и дед называли библиотекой. В школе у нас тоже была библиотека. Но вместо бумажных книг нам выдавали планшеты или загружали на личный коммуникатор файл с учебными материалами.

Дома всё было иначе. Уютная комната с массивными шкафами, расставленными вдоль стен и подпиравшими потолок, большой старинный стол у окна. Приезжая на лето и по выходным погостить к бабушке и деду, я пробиралась сюда после захода солнца, зажигала изящную настольную лампу, брала с полки книжку и усаживалась в высокое, такое же древнее, как и стол, дедово кресло.

Чего только не водилось в этих шкафах: и тяжёлые массивные энциклопедий, и изящные, в глянцевом переплёте томики поэзии, и многочисленные собрания сочинений авторов разных лет. Как удалось сохранить такое богатство, когда от холода погибали миллионы?..

Кто первым начал войну, никто из нас так и не узнал. Но как говорил дед, нам просто не сказали. Не посчитали нужным. Мировая система обеспечения энергоресурсами была уничтожена. А глобальная программа альтернативной энергии за одну ночь вышли из строя по всей земле. Она пришла на смену привычным в конце XX века гидро, тепло и атомным электростанциям. Казалась безопасной и надёжной, отчего старые технологии быстро забылись. Напрасно! Как часто любил повторять дед, «новое, не значит лучшее».

Почти везде пропала связь, а там, где она была – работала с перебоями. Немногие спутники, что уцелели, обеспечивали потребности военных. Появился технологический терроризм. С помощью одного устройства стало возможным уничтожение целого города вместе с его населением. Бабушка рассказывала, что в конце прошлого века люди и не знали, что такое гаджеты, виджеты, девайсы. Прогресс, который казалось уже не остановить, откатился минимум на сто лет назад.

Сильнее всего пострадали мегаполисы. В один миг отключилось всё: свет, вода, тепло. Ни на помощь позвать, ни с близкими связаться. Не многие спаслись. Миллионы погибли от холода, голода и болезней. И пока одни замерзали, на другом конце света бушевали пожары. Когда же всё закончилось, оказалось, что планета утратила две трети населения. Так передали в новостях.

Нашему Чернореченску повезло. Город растянулся по обе стороны полноводной реки Чёрной. Говорили, название она получила из-за того, что во все времена года, в любую погоду её беспокойные воды темны и холодны.

Реку перегораживает мощная плотина гидроэлектростанции, питающая построенный на острове химкомбинат. Власти агломерации отрезали соседние области от электроснабжения, обеспечив светом и теплом лишь свои города. А значит и жизнью.

Во многих регионах ресурсы стали быстро заканчиваться. Начались волнения, погромы, хаос. Нетрудно догадаться, к чему это привело. Слухи о том, что в Чернореченске есть жизнь, разлетелись быстро. Из соседних агломераций потянулись беженцы. Город тут же оцепили плотным кольцом военных машин и патрулей. Территорию обнесли тройным кольцом заграждений с колючей проволокой, поставили посты, вышки, пустили по проводам ток. Отныне каждая агломерация, каждый город сам за себя.

Всё случилось зимой. Люди грелись, как могли. Жгли всё, что горело – мебель, тряпье, книги. Мы с родителями тогда перебрались из городской квартиры на остров. В доме у бабушки и деда всегда было тепло, но ни одна книга огню не досталась.

У входа в библиотеку стоял шкаф со стеклянными дверцами. На нижней полке лежали стопками и стояли рядочком мои любимые истории. Их специально положили так низко, чтобы проще было достать. Сверху лежала толстая книга сказок. Неслыханная редкость, как говорила мама.

Сказки не помещались вертикально, и бабушка положила книгу на корешки, выстроившихся по росту приключенческих романов Жюль Верна, сборников рассказов Чехова и томи-

ков Пушкина. Я очень любила яркие иллюстрации. Могла часами разглядывать витиеватые узоры из листьев и цветов, обрамлявших текст, или всматриваться в мелкие детали причудливых картинок, искусно выписанных умелой рукой мастера. Добрые, умные сказки занимали шестьсот страниц. Я знала их наизусть почти все.

Но больше всего меня заставляла трепетать дата издания книги, сохранившейся в идеальном состоянии. 1954-й. Бабушка рассказывала, что эти сказки подарили её маме на день рождения. Прабабушка читала сказки бабушке, бабушка маме, а мама мне. И я, наверное, с таким же трепетом и любовью читала бы их своей дочери. Но увы, где в нашем непростом мире найти того единственного принца, о котором пишут во всех этих книгах? Был один. Больше нет. Что с ним стало? Теперь уже не узнаю...

Тряхнув головой, прогнала накотившие воспоминания и выглянула в окно. Вахтовый автобус, увозивший родителей на работу, докатился до конца улицы и повернул к комбинату.

– Надо поесть и разобрать продукты, – настраивая себя на работу, сказала я вслух и пошла на кухню, где на пластиковой низкой табуретке у обеденного стола меня ждали два больших и два маленьких контейнера.

Ручка и амбарная книга, куда записывались все запасы, лежали в среднем ящике узкого шкафа. Потянув ящик на себя, я не увидела их. Странно!

Бабушка очень любила порядок.

– Каждой вещи нужно своё место, – то и дело повторяла она. – Ты должна с закрытыми глазами находить всё, что тебе может понадобиться.

Сколько себя помню, это правило она требовала «соблюдать неукоснительно». И от меня. И от моих родителей. И даже от деда. Сама же настолько привыкла следовать собственному укладу, что, по её словам, не могла представить, чтобы положить вещь куда-то не туда.

Я огляделась. Все предметы стояли на местах. Мама чётко соблюдала порядок, заведённый в доме, и как когда-то бабушка, требовала этого от нас с папой. Амбарная книга и ручка нашлись на столе у окна, а рядом тарелка с галетами, баночка джема и большая чашка чая.

– Мама! – выдохнула я.

Нежность разлилась по телу, окутала заботливым теплом, согрела.

– Ну, конечно, ты знала, чем я буду заниматься после вашего ухода. Позаботилась, чтобы всё необходимое было под рукой.

Усевшись за стол и пододвинув к себе амбарную книгу, открыла её на странице с сегодняшней датой. Разлинованный на четыре столбика лист содержал список продуктов, которые наша семья получала каждую неделю. Название, вес или количество упаковок, всё строго по списку, ничего лишнего.

Отломив половинку печенья, посмотрела на джем и скривилась. Яблочный. Последнее время в паёк кладут только его. А мама, зная, что я сладкоежка, всякий раз по утрам оставляет мне баночку на столе... Яблочный джем мне никогда не нравился. Слишком приторный. То ли дело брусничный. В меру сладкий, с приятной кислинкой. Да только где его взять? Нет, конечно у меня в закромах эта вкуснятина припрятана. Но я её храню для исключительного случая. Вот через два дня у папы день рождения. Он тоже не любит яблочный джем, зато обожает облепиховый и брусничный. Достану ему упаковочку. Он как раз вспоминал про него недавно.

Улыбнувшись идее для подарка, отхлебнула чай, оставила маленькие контейнеры на потом и открыла большие.

Крупа, макароны, дегидрированные овощи, расфасованные в порционные пакеты и выдаваемые по количеству дней, вакуумные упаковки полуфабрикатов, всё лежало аккуратно и компактно. В этот раз опять положили пшено вместо риса. Пшённую кашу папа не ест, предпочитает макароны. Значит, его упаковку можно отложить про запас. Когда станет невмоготу, не до капризов будет.

Галеты, специи, соусы и джемы, сахар и кофе в стиках остались с прошлой недели почти нетронутыми, так что норму этой недели я отложила в сторону. А вот порционных заготовок для хлеба не осталось. Как и чая. Родители его очень любят. Мама заварила для меня последний, хотя знает, что я предпочитаю кофе.

Раскрыв коробку с основой для ржаной буханки, достала пакетик и направилась к хлебопечи, предвкушая, как дом наполнится ароматом свежей выпечки. Выставила программу, отмерила норму воды, налила в ёмкость для выпекания и, высыпав заготовку, опустила крышку. Раздался мелодичный звон колокольчика и хлебопечь медленно принялась замешивать тесто для будущего хлеба. Вжик. Вжик. Вжик.

Я вернулась за стол. Прислушиваясь к равномерному жужжанию, пересчитала и записала в амбарную книгу количество коробок и банок. Порошкового молока в узких фольгированных тубах по 300 мл вместо семи штук положили всего три. Концентрата для рыбного супа оказалось на два больше. А с мясом птицы меньше и как раз на два. Мясных концентратов и вовсе не положили, заменили на гороховый, фасолевый и грибной. Хорошо, что овощные ассорти и рыбные консервы остались без изменений. Надо думать, пока.

Ошибки быть не могло. Значит, затеяли очередной необъявленный пересмотр продуктовых наборов. Тот, кто собирает контейнеры, знает о нас всё, вплоть до того сколько раз в день мы пьём чай или кофе, какой джем намазываем на хлеб, с чем предпочитаем есть кашу и какой соус выдавливаем из пакетика в макароны. Вкусовые пристрастия могут измениться, но вот переделать список, по которому наполняют продуктовый контейнер только потому, что тебе понравилась пшённая каша или надоел яблочный джем – нельзя. И это несправедливо.

В груди защемило. Вспомнился сосед-дебошир дядя Жора, погибший утром. Неужели он и правда, был столь беспечным, что не подумал ни о тёте Люсе, ни о сыновьях? Работал на комбинате, а значит, получал двухразовое питание в столовой, как и папа. Его продукты доставались семье. Мало, конечно, но главное, они все были живы. А теперь? Их больше нет... Куда забрали мальчишек? Отчего старший офицер не помог тёте Люсе, которая была ещё жива? Наверняка он того же возраста, что и мои родители. Они учились в другое время, нежели я. Им точно говорили и о сострадании, и о взаимовыручке, обо всём, что с детства так старалась привить мне бабушка.

А другие соседи? Вышли получать продукты, а увидав полицию и военных, попрятались по своим дворам-норкам, словно им всё равно, что случилось с теми, кто живёт за забором. Испугались? Но ведь я не испугалась! Я хотела помочь! С кем-то из нас точно что-то не так, но вот с кем? С ними? Или со мной?

Удивляясь собственному бесстрашию и безразличию соседей, я переписала очередную партию банок и поставила консервы в шкаф. Заглянула в окошко хлебопечи. Слегка потрескавшаяся корочка будущего хлеба начала подниматься.

Неожиданно подумалось – люди разучились общаться. У них нет этой потребности. Наверное, виноваты новости. Каждый день по видеостене твердят об угрозе отравления и заражения. В головах засела формула: «Не ходи – отравишься, заразишься сам – отравишь и заразишь остальных – все умрут!» А может и не новости вовсе тому виной, а что-то иное.

Папа говорил, что за нами всё время следят. Может, дело не в нас? Вдруг он разглядел истину? Что если все эти проблемы созданы искусственно с одной лишь целью – тотальный контроль и управление людьми?

От осознания возможной правоты стало страшно. Вспомнилось, как резко замолкал папа, когда я входила в комнату. Как мама то и дело напоминала и просила быть осторожной, ни с кем не говорить о том, что слышу дома. Что если это правда? Или нет? Может, мне только показалось? Напридумывала себе страшилок и теперь ищу подвох там, где его нет. Мама права. Нужно поменьше думать об этом. Наверное, даже хорошо, что кроме родителей мне поговорить не с кем...

Из общей комнаты послышалась звуковая заставка, и голос диктора второй раз за день стал зачитывать новости о девайсах-убийцах, что-то про аварию в соседнем регионе и угрозу заражения. Я прикрыла дверь на кухню, но даже через неё слышала каждое слово. Чем больше диктор говорил, тем отчётливее перед глазами вставала картина, случившаяся у пайкомата. Вспомнилось расплзающееся под соседями кровавое пятно. Меня замутило. Тошнота, всколыхнув внутренности, подкатила к горлу.

Подскочив со стула, распрямила плечи и сделала глубокий вдох. Взгляд выхватил яркое мерцание браслета. Надо успокоиться! Будет плохо, если они узнают о моём состоянии. Я сделала вдох и медленно выдохнула. Под ребром кольнуло, но и тошнота стала отступать. Подышав ещё немного, подошла к шкафу, налила из кувшина воду в стакан и поднесла к губам. Прохладная жидкость потекла в горло, перебивая неприятный кисловатый привкус, смешанный с лёгкой горечью. Облегчение пришло быстро, и это радовало. Браслет перестал мерцать.

Я вернулась к столу и прислушалась. Видимо, новостной блок закончился, громкость видеостены стала меньше.

Доставая из второго контейнера бутылку с растительным маслом и коробки с порционными соусами и джемами, я невольно продолжала думать о случившемся. Смерть соседей заставила вернуться в детство. Напомнила о том дне, когда испытала первый в жизни шок.

Мне было десять. И у меня на глазах под колёсами машины погиб любимый котёнок. Я осознавала то, что видела, но отказывалась верить в случившееся. Бабушка успокаивала, уговаривала. Я её не слушала. Просто не могла. Каждое утро наливала в блюдце молока и звала котёнка. Рыжик! Бабушка вздыхала, недовольно ворча. А однажды блюдце исчезло.

Да, я знала, это бабушка убрала. Она говорила, так для меня лучше. Теперь я понимаю, она была права. Но пустота, образовавшаяся внутри, на долгие годы изменила мою жизнь. Да и меня саму.

Закончив разбирать основные контейнеры, я открыла маленькие. Такие выдавали по праздникам два раза в год и на дни рождения. В них всегда был шоколад, орехи, сдобное печенье, сгущённое молоко с сахаром. Могли положить мармелад или пастилу, конфеты или цукаты. Особо ценились в подарочных наборах белковые полуфабрикаты – яичный порошок, сушёное мясо, грибы, вяленая рыба и птица в желе. Многие из этого можно было хранить довольно долго. Но самое ценное – запаянные в вакуумную упаковку, кусочки свежего мяса в маринаде. Если набор сладостей удавалось растянуть минимум на полгода, то даже в такой особой упаковке мясо долго не хранилось.

Как распорядиться содержимым второго контейнера всегда решали сообща. Отставив его в сторону, я принялась выкладывать на стол и аккуратно записывать в амбарную книгу вкуснятину, подлежащую хранению. Четыре плитки горького шоколада, пачка лимонного мармелада, пара пакетиков фундука и изюма да три банки сгущёнки перекочевали к припасам, отложенным ранее. А вафельный торт с ореховой посыпкой, пакет соевых батончиков и банку с интригующим названием «Какао», отдалённо похожую на армейскую фляжку, доставшуюся деду по наследству от его деда, я решила положить обратно в контейнер и подождать возвращения родителей.

Что это за странный напиток под не менее странным названием, я не знала. В продуктовые наборы он ни разу не попадал, у бабушки я его не видела, да и в школе нам ничего кроме ежедневного чая и молока раз в неделю не давали.

Подвинув к себе маленький контейнер, я достала прислонившуюся к углу упаковку с яркой этикеткой, ту самую, что привлекла моё внимание тогда на улице. Это было печенье. Ореховое. Дедово, любимое...

Я не видела, как умер дед. Вот только вчера мы были у них в гостях, пили чай с его любимым ореховым печеньем. А на следующий день, вернувшись из школы, я узнала, что

его больше нет. На похороны меня непустили. В правилах школы смерть родственника не была внесена в перечень обстоятельств, для переноса сдачи итоговых годовых зачётов. И как-то само собой в голове сложилось – если не видела, как умер, как был похоронен, значит, жив. И бабушка, и родители понимали, что я не приняла смерть деда. Их это пугало. Они качали головами, пытались поговорить со мной. Но я не желала, чтобы кто-то вторгался в мои душевные переживания.

– Мне так проще справляться с болью, с потерей, – твердила я. – Не было этого! Я не видела!

Слыша это, родители всякий раз горестно вздыхали.

Отправляясь к бабушке на остров, я всегда брала пачку орехового печенья для деда. Бабушка плакала, просила не привозить, не напоминать. Но я упорно твердила, что он вышел ненадолго, вот-вот, хлопнет дверь и дед вернётся...

Я так и не смогла подобрать слова, чтобы объяснить с бабушкой. Она умерла незадолго до того, когда я осталась без работы. Умерла в госпитале, сказали, от отравления. Родителям по статусу можно было получить разрешение на погребение. Но им даже прах её не выдали. Сказали – запрещено. А я, как и прежде для себя решила – не видела, значит, не было. И когда родители сказали, что мы переезжаем на остров в городок химкомбината, я поначалу отказалась собирать вещи.

– Зачем нам ехать? – допытывалась я у мамы. – Бабушка вернётся и что тогда? Опять переезжать?

– Рита! – мама всплеснула руками. – Бабушки больше нет. Она умерла. Если в детстве мы с папой снисходительно относились к твоим причудам, то теперь... Ты взрослый человек. Как ты можешь отвергать действительность? Твоя работа помогать избавляться от проблем. А ты сама себе не можешь помочь. Я просто не понимаю, как тебя взяли на работу в школу?

– Сапожник без сапог, – пожалала я плечами, и, хотя в этот раз мы с мамой так и не смогли понять друг друга, собрала вещи и отправилась за реку. Ждать бабушкиного возвращения.

Самое страшное для меня было признаться себе, что родители правы, и ни дед, ни бабушка не вернутся. Мне не хватало их мудрости, их житейского опыта и смелости осознать действительность. Бессонными ночами я ругала себя: вместо того, чтобы проводить время с бабушкой и дедом, стараясь при каждом удобном случае сбежать в кофейню, побродить по острову или вдоль реки. Как чувствовала, что вскоре это станет непозволительной роскошью. Но каждый раз, слыша звук открывающейся двери, я мчалась в общую комнату в надежде, что они вернулись.

Видя недовольство родителей, я замкнулась в себе.

– Понятно, почему мы переехали, – однажды, поймав на себе косой взгляд папы, я решила показать родителям, что смирилась. – Я понимаю, отсюда вам ближе добираться на работу. Да и дом без присмотра оставлять опасно. Это же не городская служебная квартира под круглосуточной охраной. Вы правильно сделали, что решили переехать.

Я надеялась, что, видя моё смирение, они успокоятся. Но папа мне не поверил. Да и мама тоже. Мне так показалось...

Кухню огласил мелодичный сигнал хлебопечи. Надо же! Я так задумалась, что не заметила, как всё вокруг меня пропиталось ароматом хлеба. Вдыхая его горячий с лёгкой кислинкой запах, я открыла крышку и надела на руки перчатки-прихватки:

– Ах, какой дух!

Достав ёмкость для выпекания, укутала её в полотенце и перевернула. Пришлось немного потрясти, буханка крепко держалась за лопасти тестомеса.

Теперь выпечке надо «отдохнуть», как любила говорить бабушка. Ужин буду готовить, перед папиным возвращением с работы. Мама на сутках, так что одного пакета макарон с овощным соусом нам на двоих вполне хватит.

Я достала из шкафа приготовленную заранее коробку и убрала в неё всё, что удалось сэкономить на прошлой неделе. Положив поверх оставленные «про запас» продукты из нового набора, огляделась. Всё лежало на своих местах. Только завёрнутый в полотенце хлеб, чашка с почти нетронутым чаем и тарелка с печеньем и джемом нарушали идиллию.

Подумавав немного, вытащила из праздничного контейнера ореховое печенье и отправила в коробку.

– Удачной недели! – ехидная гримаса образовалась на лице сама собой, передразнивая еженедельное издевательское пожелание пайкомата.

Дверь биопропускника стукнула как раз в тот момент, когда я выходила из кухни. В прихожей стоял папа. Предчувствие чего-то нехорошего, жаром обдало лицо.

– Ты уже вернулся? Так рано? – от неожиданности я растерялась, понимая, что он не мог не заметить у меня в руках коробку и непременно поинтересуется её содержимым.

Стянув уличную защитную одежду и бросив поверх контейнера с его именем, папа недовольно посмотрел на меня.

– Куда ты несёшь эту коробку?

В его по обыкновению спокойном голосе мне послышалась угроза.

– В кладовку, – стараясь не выказывать накопившее беспокойство, ответила я.

– Всё ещё не оставила свои детские замашки? Прячешь продукты. И от кого? Ты ведь даже...

Папа смутился, замолчал. А потом затряс головой и виновато отвернулся.

– Прости, дочка! – пробубнил он.

Не сложно догадаться, что папа хотел сказать. Да! Безработным продукты не положены. Я живу за их с мамой счёт. Иждивенка, позволяющая себе прятать от семьи то, что считаю лишним. Его слова больно кольнули в груди. Но не это заставило меня насторожиться. Меня встревожило то, что всегда спокойный, уравновешенный, папа сейчас был на взводе: дёрганный, резкий, несдержанный на язык.

– Папа, пойми! – стараясь говорить, как можно спокойнее и твёрже, я посмотрела ему в лицо. – Ты же знаешь, мне многого не надо. А это... Не о себе пекись! Подумай, что с нами станет, если ты или мама останетесь без работы? А если... Даже подумать страшно, если оба лишитесь обеспечения? Что мы тогда будем делать?

– А ты считаешь, твоих запасов хватит надолго сохранить нам жизнь? – папа смягчился, видимо, осознав, что я права. – Если такое случится, нам всё равно не выжить.

– Не говори так! Ты меня пугаешь!

Мне захотелось, как в детстве прижаться к нему, спрятаться в его тёплые объятия и знать, что он защитит.

– Прости, родная, но это так. Если мы с мамой потеряем работу...

Папа огляделся, словно боялся, что нас может кто-то услышать, подошёл ближе, сжал мои плечи и заговорил очень тихо:

– Власти уверяют, что людям с нашими специальностями гарантировано обеспечение даже при потере работы. Только глупцы поверят в то, что нам говорят.

– Ты думаешь, это всего лишь слова?

– Конечно! Если это когда-нибудь случится, то в тот же миг подача воды и электричества в дом будет прекращена.

– Да уж! Никогда не знаешь, чем обернутся пожелания бездушного пайкомата. «Удачной недели!» Нет, ты это слышал? Они издеваются над нами?

– Всё верно, Рита! – кивнул папа. – Сколько бы у нас ни было запасов, без воды, тепла и света мы долго не протянем. Хотя у нас, – он понизил голос, – шансов больше, чем у кого-либо на острове. Да и в городе тоже.

– О чём ты говоришь?

Папа вернулся ко входу, вытащил из герметичного пакета рабочую сумку, выглядевшую необычно раздутой, взял у меня из рук коробку и пошёл вниз по лестнице, в подвал. Я пошла следом. Остановившись у моей кладовки, он обернулся:

– Ну, мышка-норушка, пустишь в свои закрома?

Его улыбка, такая добрая и светлая, как в детстве, согрела меня.

– Кто-кто в теремочке живёт? – подмигнула я в ответ и, открыв дверь кладовки, щёлкнула верхним выключателем.

– А нижний так и не работает, – хитро подмигнув, покосилась я на папу. – И это в доме, где жили и живут инженеры!

– Пускай! Потом как-нибудь... – улыбнулся папа.

В кладовке хранились и сэкономленные припасы, и мои коллекции. Тусклая лампочка осветила невысокую каморку со стеллажами, от пола до потолка уставленными коробками. На каждой из них красовались разноцветные этикетки с надписями чёрным маркером: «свечи», «зажигалки», «сладости», «выживание».

– Найдётся куда положить? – папа поставил коробку с продуктами на пустое место и расстегнул сумку.

Он доставал банки, коробки, пакеты и складывать на полку, искоса поглядывая на меня.

– Не рассказывай маме! – заговорщицким тоном прошептал он.

– Откуда это богатство?

Я достала из-за стеллажа картонную коробку и, удивлённо разглядывая внеплановое пополнение «закромов мышки-норушки», сложила её и поставила на полку.

– На работе выдали, как юбиляру, – папа принялся перекладывать продукты в коробку.

Оглядев стеллажи, он покачал головой:

– Ты хоть знаешь, где у тебя что лежит?

– Конечно, знаю! – кивнула я. – Вот завтра это рассортирую, запишу, и будет полный порядок.

– Много же у тебя припасов! Возможно, случись беде, с твоей помощью мы проживём немного дольше, чем я предполагал, – грустно улыбнулся папа. – Идём в котельную, я тебе кое-что покажу.

Мы прошли по узкому коридору, который вёл к запасному выходу и вошли в просторное помещение котельной. Из крохотного узкого окошка под низким потолком едва пробивался свет, и папа включил тусклую лампочку. Я хорошо знала, где здесь что находится, но с любопытством огляделась, ожидая, о чём же таком тайном он мне сейчас расскажет.

Универсальный отопительный котёл, работавший, как говорил дед, на всём, что горит, но на моей памяти потреблявший только энерго-брикеты, утилизатор бытовых отходов и ёмкости с химикатами для него, портативный генератор и много чего ещё висело, стояло и лежало вплотную к стенам или на небольшом расстоянии от них.

– Смотри! Видишь вот это чудо домашней техники? – кивнул папа на утилизатор мусора. – Брикеты, что он выдаёт, используются и для отопительного котла, и для генератора. Беда в том, что запасов этих самых брикетов у нас не так много, а расход большой. Запомни, случись что непредвиденное, второй этаж можно отключить от отопления и электричества – вот здесь. А этим рычагом опускается перегородка между этажами.

Папа указал на два блока с тумблерами и рычагами, висевших над котлом и генератором. В его взгляде было столько грусти, что на мгновение мне показалось, он готовит меня к страшным дням.

– Спать можно в общей или бабушкиной комнате. Всё поняла?

– Да, – неуверенно кивнула я и спросила. – Папа, ты чего-то боишься?

– Мы все боимся одного и того же – утраты рейтинга гражданского доверия. Но я хочу, чтобы ты хорошо запомнила. Вот эта троица, – он указал на агрегаты, – при бережном обращении и разумном использовании способна продлевать нам жизнь очень долго. И вот ещё что...

Папа отошёл в дальний угол, туда, где под потолком белело дневным светом окошко, снял массивный алюминиевый короб с бетонного постамента, вросшего в пол, и ткнул пальцем на странную конструкцию, похожую на космическую ракету в миниатюре.

– Знаешь, что это?

– Да, – уверенно кивнула я. – Дед говорил, эту водяную скважину в доме прорыл ещё его дед, и что она уходит глубоко в землю.

– Очень глубоко! – подтвердил папа. – Верно! Это источник воды, а значит жизни. И её у нас с избытком.

Я удивлённо посмотрела на папу:

– Да, но в новостях и информационных сводках всё время твердят о том, что вода, земля и воздух отравлены. И это новое заражение.

– Новое? – удивился папа. – Ты это о чём?

– Обычно новости мы узнаём от тебя, – хмыкнула я. – После полудня в первом дневном блоке сообщили. В соседнем регионе на заводе по переработке отходов случилась авария.

– А! Вот ты о чём? – папа накрыл водяной насос и тоскливо посмотрел на меня. – Знаю. Произошёл выброс диоксинового облака. Уже три района накрыло и движется в нашу сторону. Всю агломерацию накроет, если ветер не изменится...

Он явно хотел сказать что-то ещё, но промолчал. Или мне показалось, что хотел?

– В нашем доме есть своя автономная система жизнеобеспечения. Теперь ты понимаешь, почему мы с мамой настаивали на переезде на остров?

– Да. Но откуда дед знал, что всё это понадобится?

Я, правда, не понимала. Дом был просто нашпигован всякими приспособами: агрегаты для автономного обеспечения, всяческие машинки и механизмы для заготовки продуктов. Даже тёмные светонепроницаемые шторы на окнах были аккуратнo скручены в рулоны и спрятаны от посторонних глаз под карнизы.

– Твои дедушка и бабушка пережили трудные времена, а их бабушки и дедушки Великую войну. Они как знали, с чем нам придётся столкнуться в будущем и модернизировали дом так, чтобы мы тоже смогли выжить. Ты помнишь, как дедушка называл этот дом?

– Ковчег? – неуверенно ответила я.

– Верно!

– Не понимаю... Ковчег – это же из Библии, бабушка мне читала. Какое отношение он имеет к нашему дому?

– Ковчег – это вместилище. Здесь есть всё, чтобы пережить и голод, и холод, и обстрелы, и даже бомбёжку.

– Бомбёжку?

Мне стало страшно. Я всегда понимала папу с полуслова, но теперь я не могла взять в толк, о чём он говорит?

– Надеюсь, до этого не дойдёт. Хватит уже неприятностей на наш век.

О том, что случилось несколько лет назад и отчего мы все оказались в таком положении, говорить не принято. Но на этот раз я не удержалась и спросила:

– Ты думаешь, энергетическая война... Всё это было спланировано? Но зачем?

– Никто из нас не знает. А те, кому известно будут молчать.

– Кто же первым начал?

– Нам об этом не скажут. Может, террористы, а, может, на управляющем спутнике что-то замкнуло, и искусственный интеллект усмотрел угрозу там, где её не было. Не забивай свою голову. Это всё не важно...

Папа взял опустевшую сумку и направился к лестнице.

– Рита, мне надо тебе сказать... – начал он, когда мы поднялись в общую комнату. – Я не просто так вернулся раньше обычного.

У меня в ушах зазвенело. Вот оно! То, чего я ждала с самого утра.

– Что случилось? Ты...

Сказать, что пришло мне в голову, я не решилась. Неужели папа потерял работу?

– Нет-нет! Ты не так поняла! – поспешил успокоить меня папа. – Хотя хорошего в том, что я собираюсь сказать мало.

Он говорил медленно, обдумывая каждое слово. Будто от этого зависела не только его жизнь, но и наша с мамой.

– По распоряжению начальника комбината меня переводят на круглосуточный график. Теперь жить и работать я буду, не покидая территорию.

– Как же так? – это было не совсем то, что я боялась услышать, но и эта новость была не из приятных.

– Не волнуйся! Раз в две недели я буду приезжать на сутки домой.

– Да что ты такое говоришь? А как же мы с мамой? Что с нами теперь будет?

Пока поднималась в общую комнату, множество мелких острых иголок одна за одной вонзались в голову, причиняя невероятную боль.

– Всё будет хорошо! Скажи маме, это ненадолго.

Я не верила тому, что слышала. Предчувствие не обманешь!

– Да! – папа пошёл было к лестнице на второй этаж, но вернулся. – Меня заверили, что обеспечение вы будете получать в полном объёме.

– В полном объёме, – эхом повторила я. – Ты же сам говорил, что верить обещаниям властей нельзя.

– Тише, родная, прошу тебя.

Он оглянулся на видеостену. По экрану медленно ползли списки умерших и пропавших без вести за сегодняшний день.

– Я не хочу, чтобы ты ехал.

– Ну, что значит «не хочу»? Как маленькая! Помню, тебе было лет двенадцать, когда мне пришлось три месяца жить на комбинате. Ты тогда тоже капризничала. Помнишь?

– Как такое забыть? Я думала, что никогда тебя больше не увижу. И сейчас у меня такое же предчувствие.

– Не говори глупостей. Нам всем очень тяжело. Жизнь и раньше была непростой. А теперь, когда человек человеку враг и подавно. Но всё наладится, нужно только верить.

– Не хочу, чтобы ты ехал!

Я прекрасно понимала, сколько бы ни уговаривала, сколько бы ни упрашивала, он всё равно поедет. Ничего не изменить!

– Рита! Ну, ты же не ребёнок честное слово! Со мной ничего не случится. Так маме и передай. Эта необходимость временная.

– Мне страшно, папуля!

– Всё хорошо! Не волнуйся. Обещаешь?

– Я постараюсь, – пришлось отвернуться, чтобы папа не увидел покотившиеся по щекам слёзы.

И как теперь сказать об этом маме? Она ведь будет спрашивать. Дотошно, как и положено доктору, станет выяснять до мелочей. Всё! Что сказал папа? Как он при этом выглядел? Какая в голосе была интонация? Что я в этот момент почувствовала? О чём подумала?

– Тебе известно, зачем ты там нужен?

– Да. Это из-за диоксинового облака. Его надо мониторить в круглосуточном режиме. А никто не знает оборудование станции химзащиты лучше, чем я.

– Разве на комбинате нет других инженеров?

– Есть. Но система контроля, которую установили весной, им не знакома. Да и данные с неё снимаются два раза в час. И как ты понимаешь, никто не будет посылать к нам домой специалиста каждый полчаса, чтобы получить анализ данных.

Я опустилась на диван. Хорошо, что он стоял сбоку от видеостены, а не так, как велели власти – «строго напротив». Не знаю, что сказал папа проверяющим, когда они приходили, но мягкий и уютный диван остался стоять там, где его и поставили – в простенке между прихожей и кухней. И хотя от света постоянно работающей видеостены не скрыться, здесь в закутке он не так ослеплял.

И всё же папа заметил мои слёзы.

– Ну, что ты! – он сел рядом и обнял меня. – Всё будет хорошо. Я обещаю.

Я хотела ему ответить, но не смогла. Он поцеловал меня в лоб и пошёл собирать вещи, а когда вернулся, безразличный голос диктора зачитывал новости:

«...Диоксиновое облако гигантского размера, образовавшееся в результате аварии на заводе по переработке отходов в семистах километрах юго-западнее Бинской агломерации, стремительно приближается к Чернореченску...»

С улицы послышался протяжный автомобильный гудок, больше похожий на вой заводской сирены.

– Мне пора! Дай обниму тебя, – сказал папа.

Пытаясь справиться с нарастающей дрожью, встала с дивана. Он крепко прижал меня к себе и поцеловал висок.

– Я очень люблю вас с мамой. Помни об этом и никогда не забывай. Всё, что делаю – ради вас.

Он резко отстранился, быстро пошёл к двери, оделся и, не обернувшись, поднёс руку к сканеру.

Дверь биопропускника закрылась за папой, и я осталась одна. Яркие блики видеостены освещали комнату:

«...из-за сильного ветра снижения скорости движения ядовитого облака не прогнозируется. Власти города настоятельно рекомендуют жителям без особой необходимости не покидать свои дома и напоминают: не допускайте проникновения нефльтрованных воздушных масс в помещение, тщательно проверяйте герметичность дыхательных масок и защитных костюмов при выходе из дома, соблюдайте осторожность...», – тревожно вещал голос диктора.

Я присела на край дивана и обвела комнату взглядом. Внутри всё сжималось и причиняло боль. Гнетущее ощущение неминуемой беды не давало пошевелиться. Воспоминания нахлынули мощным потоком бурных вод Чёрной реки. Вот так же в детстве папа и дед уезжали на комбинат, успокаивали, обещая, что всё будет хорошо. А потом...

Потом была авария и долгое, томительное ожидание новостей. Папы и деда не оказалось ни в списках живых, ни в списках погибших. Трое суток неизвестности. Каждый новый день, наполненный страхом и отчаянием, похож на предыдущий. Когда сообщили, что под сложившимися бетонными перекрытиями нашли выживших, многие надеялись, что это их родные спаслись.

Как не хотелось маме в то утро ехать на внеочередное дежурство! И как она радовалась, что оказалась в госпитале, когда привезли пострадавших. Уцелели трое – папа, дед и дядя Андрей, работавший на комбинате рабочим. Сын бабушкиной соседки Лидии Ивановны.

И вновь, тягостное ожидание и неизвестность. Две недели мы ждали худшего. Дни тянулись медленно, им не было числа. Временами казалось, что папа с дедом хоть и выбрались из-под завалов, из цепких лап болезни им не спастись. Но они справились. А спустя пять дней мама сказала, что и дядя Андрей тоже будет жить.

В этот раз всё иначе. Я старше и чувствую острее. Мой страх осязаем. Он внутри. Шевелится. Дотягивается щупальцами до каждой клеточки, самого потаённого уголка души. Нашёптывает, что я больше папу не увижу.

Как разобраться в своих ощущениях? Как сказать маме, подготовить её к тому, что грядёт, если я сама не знаю, чего ждать? И как мы справимся без папы, без его заботы и поддержки?

От мыслей, иссушающих безысходностью, во рту появилась горечь, и я пошла на кухню за водой. На столе меня ждали давно остывший чай и печенье с джемом.

Джем! В голове зашумело. Я собиралась достать папе упаковку. И ведь были в кладовке, почему не вспомнила?

Железные тиски приближающейся истерики сдавили голову. В висках застучало. Отчего-то вспомнились слова папы:

– Только идиот поверит обещаниям властей. Если говорят, что не снимут обеспечение, то всё будет в точности до наоборот.

Он, как всегда, прав. Если будет работать на комбинате неотлучно, на полном довольствии, то какой смысл продолжать выдавать обеспечение семье? Продуктовый набор либо сильно сократят, либо отменят вовсе.

Тяжкие мысли не радовали. Давясь горечью и болью, я налила в стакан воды, сделала глоток... И тут меня прорвало. Слёзы потекли сами собой. Я пыталась справиться с нарастающей паникой, задвинуть подальше обуявшую истерику, но отчаяние взяло верх. Опустившись на стул, и, задыхаясь от рыдания, отчётливо услышала в голове папин голос:

– Они знают о нас всё. Даже сейчас следят за нами. Успокойся!

Воспоминания подействовали как отрезвляющая пощёчина. Легче не стало, но плакать расхотелось. Я наскоро вытерла лицо, сделал глубокий вдох, медленно выдохнула и посмотрела на мерцающий браслет. Он ярко мерцал бело-голубыми искорками. Набрал побольше воздуха в грудь, медленно выдохнула.

«Папа прав! Надо взять себя в руки. Этой истерикой и беспомощной злобой на обстоятельства я делаю хуже не только себе, но и ему. Маме».

Ополоснув лицо, допила воду и пошла в комнату. По видеостене опять рассказывали про диоксиновое облако, стремительно приближающееся к городу. Взяв с кресла плед, я забралась с ногами на диван, укуталась и положила голову на мягкий подлокотник...

...Комната погрузилась во мрак. То тут, то там появлялись яркие всполохи. Пугая, они выхватывали очертания теней, мечущихся по стенам. Потолок нависал над головой, давил, спуская с невесть откуда взявшихся балок липкую паутину. Влажная горячая духота не давала вздохнуть. Отовсюду слышались злоеющие шорохи.

На лестнице скрипнули половицы. Кто-то ступал аккуратно, стараясь не шуметь. И свист... Тихий свист, как это делал папа, а до него дед. Но это не может быть он. Я точно знаю.

Свист прекратился. И вот уже над головой чьё-то прерывистое дыхание. Костлявые руки-клешни потянулись к моей шее. Острый коготь оцарапал щеку, и я ощутила, как горячая

струйка крови побежала за ворот рубашки. Тонкие пальцы сжали горло и принялись душить. Я захрипела, вцепилась в руку, пыталась оторвать её от себя.

Лицо обдало зловонным дыханием, и кто-то невероятно сильный поднял меня с дивана и швырнул в угол. Острая боль пронзила тело. Хотела закричать, но с губ сорвался лишь хрип. Мне бы подняться, да только не чувствую ни рук, ни ног, ни спины. Я словно превратилась в комок ваты.

Попыталась оглядеться. Похоже на тоннель. Холодный, тёмный, склизкий. Я лежу на дороге, стены далеко, а надо мной нависает потолок. Странные глаза смотрят сверху. Огромные. Тусклые. Похожи на лампы. Может это они и есть?

Мне бы опереться обо что-то, а ещё лучше встать. Цепляясь за острые камни, разбросанные повсюду, подползла к стене, прижалась спиной к холодному бетону и ощутила, как саднят оцарапанные ладони.

Под чьими-то ногами отскочил в сторону и покатился камень. Эхо разнесло под сводами удаляющиеся звуки. Стук. Стук. Стук... В тоннеле есть кто-то ещё. Тот, кто швырнул меня сюда.

Попыталась разглядеть что-то во мгле, но всё, что увидела, это тусклый поток света, падающий откуда-то сверху. Глаза-лампы куда-то исчезли. Мелькнула тень и вот передо мной огромное мохнатое чудище с длинными руками. Стоит, смотрит. Глазницы сверкают красным. Тяжёлое дыхание срывается на утробный рык. Шаг. Другой. Чудище всё ближе. От страха я не могу пошевелиться. Понимаю, надо бежать, спасаться, пока ещё можно. Но в голове зловещий шёпот:

«Тебе не скрыться от меня! Я тебя вижу!»

Чудище тянет ко мне лапы. Вот-вот схватит за горло и тогда мне не выбраться...

– Рита! Ты спишь? Помоги, пожалуйста.

Голос мамы, как спасательный круг подхватил и с силой выдернул из привидевшегося кошмара. Я подскочила на диване и затрясла головой. Липкий пот тонкой струйкой побежал по лицу.

– Я тебя разбудила? Прости, дорогая, думала ты уже проснулась, но всё ещё лежишь. Когда вошла, видеостена уже работала.

– Нет, мам, – выбравшись из-под пледа, свесила ноги на пол.

В окно светило солнце. Уже утро? Значит, видение мучило меня всю ночь. Мерзкое чудище терзало разум до рассвета.

– Я с вечера прилегла и не заметила, как уснула. Так и спала тут.

– Главное, что спала. Мне вот и присесть некогда было.

– Тяжёлая ночь?

– Да-а-а... – мама смутилась и почему-то отвернулась. – Запиши в амбарную книгу продукты.

Я собралась с силами, поднялась и пошла к двери. На банкетке у входа стояли два больших герметично закрытых пакета. В таких маме выдавали дополнительный паёк.

– Почему тебе в госпитале дают продукты? – спросила я, когда она первый раз принесла пакет. – У вас же там не магазин.

– За вредность выдали, – отшутилась она.

Помню, я всегда смеялась, когда слышала эту фразу и переспрашивала:

– Это за то, что ты вредничала или твои пациенты?

– За вредность начальника госпиталя, – смеялась мама.

Тогда это казалось забавным, а теперь настораживало.

– Ты же только на прошлой неделе получила доппаёк. Следующий должен быть в конце месяца. Откуда такая щедрость?

Я с удивлением и непониманием смотрела на маму и ждала ответа. А она, убрала защитную одежду на полку, подхватила один пакет и пошла на кухню:

– Идём!

Мне ничего не оставалось, как взять второй и последовать за ней.

Когда вошла, мама уже вскрыла упаковку. Я открыла второй пакет. В нём лежали редкие для обычных продуктовых наборов белковые деликатесы: птица в желе, сушёное мясо, яичный порошок, протеиновые батончики.

– Не понимаю, – выставляя на стол банки, коробки и вакуумные контейнеры, недоумевала я. – Такое чувство, что тут минимум два, а то и три набора, причём праздничных. Неужели ваше руководство оценило, какую важную работу делают врачи в это непростое время?

– Если бы! – мама отставила в сторону четыре банки с овощами, положила поверх пять коробок с крупами и достала из ящика амбарную книгу. – Думаю, эти щедроты только на первый взгляд выглядят как благодарность врачам. Скорее, это связано с закрытием острова.

– О чём ты говоришь? В новостях ничего не сообщали, – нерадостные вести меня испугали, в голову тут же полезли мысли одна страшнее другой.

– Военные перекрыли мост. Поставили технику, автоматчиков. Теперь никто не сможет ни уехать с острова, ни попасть на него из города...

Мама запнулась на полуслове. Она словно обдумывала, говорить, что было дальше или нет. А потом посмотрела на меня, отвернулась и заговорила очень тихо:

– Один из врачей сегодня не вышел на смену. Мы ждали... А потом его имя прозвучало в списках погибших. Ходят слухи, что он пытался прорваться в город. У него там семья. А его застрелили.

– Это ужасно! – выдавила из себя я и почувствовала, как меня начало трясти.

В голове никак не укладывалось столь зверское отношение.

– Да. Ужасно. И я надеюсь, очень надеюсь, что это все плохие новости на сегодня, – мама улыбнулась, но получилось неестественно.

Показалось, глубоко внутри она ждала, что я могу что-то такое ей сказать. Мне не хотелось её огорчать, но я должна была...

– Нет, мама. Это не всё плохие новости.

Я украдкой взглянула на неё – она выглядела растерянной.

– Рита, не пугай меня...

Мысли крутились в голове. Чувствуя, что молчать нельзя, я набрала побольше воздуха в грудь и выдохнула:

– Вчера вечером папа уехал на комбинат. Сказал, будет на сутки приезжать домой раз в две недели. Начальство распорядилось, чтобы он находился на рабочем месте неотлучно.

Мама села у стола:

– Что же... Я ждала чего-то подобного.

– Ждала? Но почему? – не такой реакции я ожидала.

– На прошлом дежурстве госпиталь начали готовить к приёму большого количества пациентов.

– Тебя, похоже, это не пугает?

– Не особо. Настораживает, заставляет собраться, но уже не страшно. За годы работы я ко многому привыкла. Даже в период первой волны отравлений воздухом и домашней пищей, большое количество смертей не шокировало. А вот ты всегда была эмоциональная и впечатлительная. Мы с папой очень боялись тебя потерять.

– Потерять? Когда? Ты мне об этом не рассказывала.

Родители меня любили, оберегали от напастей и тяжёлых новостей. Это было известно. Но то, что они меня могли потерять, слышала впервые. Я не помнила, чтобы моей жизни угрожала реальная опасность.

– Да что рассказывать... – мама, словно не желая смотреть в лицо, поднялась, отвернулась к шкафу и зазвенела чашками, заваривая чай. – Ты родилась слабенькой. Чуть не умерла в первые сутки. Но каким-то чудом тебя спасли. Мы ещё долго боялись за твою жизнь.

– Я помню, бабушка в детстве называл меня фарфоровой куклой.

– Так и было. Твоё здоровье оказалось столь хрупким, что один неверный шаг и... Потом ты окрепла и мы смогли вздохнуть с облегчением. Ведь всё хорошо, что хорошо заканчивается. Правда?

Мама повернулась, поставила на стол чашку с чаем и улыбнулась. Напускная весёлость не успокоила. Напротив, заставила сомневаться в её искренности. Нет, не в мамином страхе потерять единственное дитя. В попытках убедить, что волноваться не о чем.

– Ты скажешь мне, что на самом деле случилось? – неожиданно для самой себя, твёрдо спросила я.

– Не накручивай себя зря, – ответила мама. – Вот если бы тебе удалось устроиться на работу, времени копать в себе и предаваться тяжёлым мыслям не осталось.

Она положила передо мной амбарную книгу:

– Вот эти не записывай, – мама отодвинула отложенные продукты на край стола.

– Почему?

Я не могла вспомнить ни единого случая, когда что-то не было учтено.

– Это не для нас.

Она достала из ящика большой пакет с герметичным замком и стала аккуратно укладывать банки, пакеты и коробки.

– Мама, ты сегодня такая странная. Скажи, что случилось?

Я надеялась, новый день подарит ответы на вопросы, которые меня терзают последнее время, но вместо этого, их стало ещё больше.

– Сегодня ночью умер Андрей, сын нашей соседки, Лидии Ивановны, – закрывая замок на пакете, тихо сказала мама.

– Я помню его. Это с ним папа и бабушка спаслись в той страшной аварии? – удивительно, вот только вчера вспоминала этот случай.

Мама замерла на миг, тяжело выдохнула, вновь открыла пакет и положила туда банку с птицей в желе и пару протеиновых батончиков.

– Верно. Тогда выжил, а вот теперь нет. Сказались старые проблемы со здоровьем. О Лидии Ивановне больше никому позаботиться. Обеспечение ей не полагается. Они и так с трудом выживали на паёк Андрея. А теперь...

– Я так понимаю, это для неё?

Сердце сжалось от тоски. Захотелось подойти к маме, обнять, но встать не смогла. Ноги не слушались.

– Ты правильно поняла, – ответила она тихо.

Лидия Ивановна всегда относилась к нам с добром. Помню, в детстве часто угощала ягодами из своего сада.

– Я всё понимаю, мама. Только вот...

– Что? – она посмотрела на меня и почему-то отвернулась.

– Мы не сможем помогать ей постоянно, – с трудом выдавила я из себя. – А при нашей жизни вряд ли кто-то ещё окажется столь благородным и отдаст часть продуктов чужому человеку. Скоро зима. Она не сможет выжить в холодном доме без света и воды. Да и вряд ли у Лидии Ивановны есть хоть какой-то запаса продуктов. А забрать соседку к себе нам не позволят, ты же знаешь.

Я понимала, говорю жестокие вещи и радовалась, что мама стоит ко мне спиной. Вряд ли у меня хватило сил сказать ей это в лицо.

– Знаю. Но пойми, дочка, я не могу иначе. Это моя первая учительница, – в каждом мамином слове слышалась нестерпимая боль, такая же, какую испытывала я сейчас. – Лидия Ивановна учила меня доброте, состраданию, милосердию. Как можно бросить её в беде? Я должна что-то сделать.

– Человек человеку волк... – пробурчала я и содрогнулась, так неприятна мне была сама мысль об этом.

– Что?

Мама повернулась ко мне. На её лице застыло непонимание.

– Папа так говорит об обществе, в котором мы живём, – поспешила ответить я.

Мне не хотелось, чтобы мама думала обо мне плохо:

– Люди озлобились. Смотрят волком друг на друга, ждут, когда кто-то упадёт, чтобы растерзать.

– Так и есть, Рита. Так и есть... – мама кивнула и защёлкнула замок на пакете. – Не такому родители учили нас в детстве. И всё же... Я хочу хоть как-то ей помочь.

– Я знаю.

Мама внимательно посмотрела на меня. Выдержать взгляд не было сил, и я уткнулась в амбарную книгу. Старательно выводя буквы, ждала, когда мама уйдёт.

Хлопнула дверь биопропускника, оставив меня в одиночестве.

Переписав припасы, я сложила большую их часть в коробку. Мы не рассчитывали на эти продукты, а значит, это неприкосновенный запас. На чёрный день, который, надеюсь, никогда не настанет.

Я училась в старших классах, когда постепенно ввели систему выдачи продуктов. Некоторых специалистов стали снабжать усиленными пайками. Однажды мама принесла из госпиталя большой пакет и сказала, что будут выдавать каждую неделю. За вредность. Я обрадовалась и взяла оттуда паштет и конфеты.

– Глупо расходовать продукты просто потому, что выдали больше нормы. Сегодня нам повезло, а завтра могут отобрать и то, что есть. Что тогда ты будешь кушать? – отругала меня мама за бездумный поступок.

Так и вышло. Совсем скоро паёк стали выдавать через неделю, а чуть позже его содержимое значительно оскудело и мало походило на то изобилие вкусовностей, что выдавали в начале. Ещё через полгода он почти перестал отличаться от того, что мы получали в пайкомате. Тогда и поняла, как права была мама.

Я сложила продукты обратно в пакеты и понесла в кладовку, по дороге повторяя про себя как мантру: «Пустые коробки. Пустые коробки...» Их давно надо было поднять наверх, да я всё забывала. И вот теперь, непредвиденное богатство придётся ещё раз сортировать и укладывать, но уже внизу.

Устроив продукты на полке, я плотно прикрыла дверь в кладовку и огляделась. У входа в котельную, перегораживая коридор, стоял стеллаж с ящиками в которых хранилась пустая тара для заготовок. Сбоку, между ним и стеной стояли сложенные плашмя пустые коробки. Только немногие знали секрет, который прятался за этим стеллажом.

За ним, под плотным пологом скрывалась, обитая грубой кожей, пухлая дверь. А за дверью массивный дубовый шкаф. Нужно протиснуться между шкафом и стеной, чтобы оказаться в сарайчике, пристроенном к дому. Ещё десяток шагов и вот он, старый бабушкин сад. Узкая дорожка между яблонь, груш, алычи и... свобода!

Проводя здесь всё лето, я убегала через запасной выход поиграть с мальчишками. Ромка Юдин тоже приезжал из города к бабушке. Наши дворы разделяла натянутая на колья сетка. Его калитка выходила на другую улицу, потому он пробирался через свой огород в наш сад

и кидал в окошко маленькие камушки, вызывая гулять, в то время как сорвиголова Витька Болгарев ждал нас возле раскидистого старого дуба.

У двери запасного выхода нет биопропускника, и с тех пор как власти объявили, что воздух отравлен, её не открывали. Папа завесил стену трёхслойной полиэтиленовой плёнкой и нагрузил побольше хлама на стеллаж. Когда в дом приходили проверяющие, они так и не узнали, что прячется за стеллажом.

Наверху слышались шаги, так не вовремя выдернувшие меня из беззаботности детских воспоминаний, где ещё можно было купить кое-что из продуктов в магазине, посидеть после школы с одноклассницами в кофейне, подышать свежим воздухом, подставить лицо тёплому солнышку и прохладному ветерку.

Решив, что коробки подождут, я поднялась в общую комнату. Озадаченный и удручённый вид мамы не предвещал ничего хорошего.

– Что-то случилось? – надеясь не услышать дурных новостей, спросила я.

– Нет, – не глядя на меня, ответила мама и пошла к лестнице на второй этаж.

Предчувствие беды витало в воздухе ледяным сквозняком. Понимая, что ему неоткуда взяться и это всего лишь эмоции, я схватила маму за руку:

– Мама, поговори со мной, пожалуйста!

– Я устала. Мне нужно выспаться, – она не глядя отстранила мою руку.

– А как же завтрак?

– Я хочу спать. Если облако накроет нас раньше срока, меня могут вызвать на дежурство уже ночью.

Такой настрой выглядел подозрительно. Мама иногда отказывалась от ужина, но от завтрака, да ещё и после дежурства – никогда.

– Тебе надо поесть, – настаивала я.

– Не хочу, – огрызнулась мама.

– Чего тебе наговорила соседка? Ты вернулась сама не своя. Что произошло? – она уже поставила ногу на ступеньку, и я боялась, что разговора не получится.

Каждый раз, когда мама хотела избежать разговора, она ссылалась на усталость или придумывала иную причину, уходила в свою комнату и ложилась спать. Мы с папой давно заметили за ней эту особенность. И если удавалось убедить её поделиться переживаниями, всякий раз причина такого поведения была крайне серьёзной.

– Пожалуйста, поговори со мной!

Мама повернула ко мне потемневшее лицо, и уверенность в том, что я хочу знать о произошедшем, пошатнулась.

– Пойдём, – глухо произнесла она и стала медленно подниматься по лестнице.

Я редко заходила в родительскую спальню. Эта привычка у меня осталась с тех пор, как я была ребенком. Когда в этой комнате жила бабушка, она тоже строго-настрого запрещала туда входить.

– У каждого должно быть личное пространство, – повторяла она, закрывая у меня перед носом дверь. – Мы не стадо, не овцы, которых загнали в один хлев. Мы люди! Помни это всегда.

После таких назидательных речей бабушку тревожить не хотелось. Но теперь, переступив порог комнаты, я с любопытством оглядывалась по сторонам. К моему удивлению, тут всё было так, как я помнила: старинная вешалка, широкая кованая кровать с высоким заголовником.

Бабушка рассказывала, тумбочки на витых ножках, стоявшие по краям кровати, и туалетный столик у окна, это всё, что осталось от мебельного гарнитура. Как же она называла это тройное зеркало, в которое, если сделать два больших шага назад, можно увидеть всю себя с разных сторон? А! Вспомнила! Трельяж!

Дед бурчал, вспоминая покупку:

– Это же надо! Купили мебель в СССР, а на утро оказалось, что мы живём уже в другом государстве!

– Чего, старый, кудахчешь как квочка? – злилась бабушка, и, глядя на то, как я хлопала глазами, не понимая, о чем они говорят, в который раз повторяла: – СССР – это страна бесплатной медицины, лучшего в мире школьного образования, светлого счастливого детства и всеобщего равенства!

– Закрой поплотнее дверь, – попросила мама, усаживаясь на пуфик спиной к окну. – Видеостена сегодня просто разрывается, так громко...

Она вся сжалась, обхватила себя руками, словно пришла с мороза и никак не может согреться.

В комнате было тепло, но, глядя на неё, мне тоже стало зябко.

– Теперь ты меня пугаешь, – я сняла с вешалки тяжёлую вязаную шаль и набросила ей на плечи.

Мама вздрогнула и подняла на меня полный тревоги взгляд.

– Да что стряслось? – не выдержав гнетущего молчания, я уселась на пол перед ней.

Мама наклонилась ко мне и зашептала:

– Что-то страшное надвигается. Всё очень серьезно, Рита! – она обернулась, поглядела в окно и заговорила ещё тише. – Теперь я знаю, что произошло. Андрей в разговоре с Лидией Ивановной упомянул, будто на комбинате что-то затевается. Последние дни туда постоянно приезжали военные грузовики. Разгружались, уезжали и снова возвращались. Машины с одними и теми же номерами. Военные ни с кем не разговаривали. Подсобных рабочих близко не подпускали, велели держаться в стороне. Сами таскали тяжеленные деревянные ящики или ставили на электропогрузчик и свозили к воротам в ангар.

– Может быть, комбинат будут модернизировать и в ящиках оборудование?

Я хорошо помнила, как украдкой слышала разговор родителей о том, что в тех помещениях, что ещё работают на комбинате, постоянно нарушается техника безопасности, а руководство, на все папины увещевания только отмахивается, мол, «не до норм нынче».

– Этого мы не узнаем, но, боюсь, всё гораздо хуже, – прошептала мама, словно её мог кто-то кроме меня услышать.

– Почему ты так решила?

– Андрей сказал матери, что постарается больше выяснить о происходящем на комбинате. Лидия Ивановна просила его не вмешиваться. Но... Видимо, он узнал что-то такое, о чём знать не следовало. Вечером Андрея и ещё троих рабочих комбината привезли с тяжёлыми травмами. И без того было понятно, что те трое долго не протянут. Андрей почти не мог самостоятельно дышать и его подключили к ИВЛ³. У него среднесрочные перспективы были хорошие. Но тут ночью в госпитале случилась авария. Вышло из строя энергоснабжение в крыле реанимации, а резервное питание так и не сработало. Отключились аппараты жизнеобеспечения. Он и ещё два десятка пациентов погибли.

А вот это и, правда, показалось мне странным:

– Это не может быть случайностью? – не особо веря в то, что говорю, спросила я.

– Вряд ли. Госпиталь недавно инспектировали. Все системы были исправны.

– Думаешь, он действительно узнал что-то столь опасное, раз потребовалось убить его, а вместе с ним и других ни в чём не повинных людей?

– Я не знаю. Но одно известно наверняка. Если кто-то хочет что-то скрыть, он ни перед чем не остановится. А учитывая военный кордон у моста, это вполне может оказаться правдой.

---

³ ИВЛ – аппарат искусственной вентиляции лёгких.

Я слушала рассказ мамы и ощущала, как ледяные иглы страха медленно вонзались мне под кожу. Неужели такое действительно может быть? Ведь если это правда, опасность грозит всем: соседям, маме, мне, но особенно папе.

– Что нам делать?

Мама улыбнулась той тёплой, доброй улыбкой, что я помнила с детства:

– Я не знаю, дочка! В нашей семье только дедушке было известно всё наперед. Ну, или почти всё. Он много думал, анализировал, просчитывал. Должно быть, именно то, что происходит сейчас и случится в будущем он и записывал в дневник, который всегда носил с собой. Вполне возможно, он даже знал, когда умрёт.

– Как знал? – удивилась я. – Разве это можно предвидеть? И если знал, почему никому не сказал? Может, ему можно было помочь?

– Нет, родная! Люди над смертью не властны, – мама тяжело вздохнула и покосилась на окно. – Но никто из нас не поверил, что дедушка умер сам. Ни папа, ни я, ни бабушка. Я же говорила: если кто-то что-то решил... Но об этом лучше молчать.

Колючие мурашки забегали по спине.

– Но тогда нужно же что-то делать, иначе погибнут все!

– Да что мы можем? – мама перешла на шёпот. – От нас ничего не зависит. Твой папа всегда был осторожным человеком и никогда не лез в чужие дела. Я тоже буду молчать о том, что узнала от соседки. К тому же... Она только что потеряла единственного близкого человека. Сына! Кто знает, что ей там послышалось, и на какие бредовые умозаключения натолкнули скорбные мысли? Главное – не волнуйся. Мы с папой сделаем всё, чтобы ты выжила.

Мама грустно улыбнулась и тихо добавила:

– Рита! Дочка! Ты самое ценное, что у нас есть.

Глава 3

Шла вторая неделя с тех пор, как папу забрали на комбинат. Но чем ближе его выходной, тем больше меня охватывало странное волнение. Необъяснимое чувство тоски и унынья не покидали с тех пор, как он уехал. Просыпаясь, всякий раз ждала того, что неминуемо должно случиться, хотя и не понимал чего. Да и мама день ото дня становилась всё более угрюмой, замкнутой, молчаливой. Её всё чаще вызывали между сменами в госпиталь. Возвращаясь с работы, она долго хлопала дверцами шкафов на кухне, потом относила скромный запас продуктов соседке-учительнице. Ссылаясь на усталость, отказывалась от ужина или завтрака, предпочитая спать. От всего этого мне становилось совсем не по себе.

Чтобы как-то справиться с нарастающим чувством тревоги, я целыми днями пропадала в библиотеке. Чтение помогало отвлечься. Бабушка рассказывала, когда папа учился в школе, он всё лето проводил за книгами. В последний день весны они собирали на маленьком журнальном столике стопку. За три месяца она уменьшалась, и к началу учебного года столик пустел.

Бабушка с дедом рассказывали, что им в школе на лето задавали много читать. Нам не задавали. Совсем. Бумажных книг вообще не было в школьной библиотеке. Да и учителя не приветствовали любознательность и всё время повторяли:

– В учебниках есть всё, что вам нужно для того, чтобы сдать итоговые зачёты. Только то, что одобрено образовательной программой пригодится вам в жизни. Всё остальное бесполезная трата времени и сил учащихся.

Мне как-то даже пригрозили переводом в общий класс, если я и дальше в домашних условиях буду пользоваться «запрещённой» литературой.

Запрещённой! Как можно запрещать Пушкина, Достоевского, Толстого? Как можно запретить читать? Запретить стремиться к знаниям? Я этого никогда не понимала и потому читала. Много. Запоем. Всё, что в своё время бабушка давала папе. Благо списки она умудрилась сохранить. И чем больше я читала, тем больше вопросов к учителям у меня возникало.

Однажды маму вызвали в школу, чтобы отчитать за недосмотр. На уроке истории я в очередной раз поспорила с учителем о том, что он неверно трактует события прошлого. Директор долго выслушивал мои доводы. Его лицо становилось всё более мрачным и отстранённым. А когда я закончила, он повернулся к маме и бесцветным голосом произнёс:

– Яна Игоревна! Я понимаю, работа в госпитале занимает всё время и на дочь его совсем не остаётся. Но хочу предупредить: это наш первый и последний разговор. Если вы не примите меры, я переведу Маргариту в общий класс. И тогда, при всём моём уважении к вам и Юрию Матвеевичу... При всём добром отношении ко всей вашей семье, о дальнейших перспективах для дочери можете забыть. Для ученицы общего класса я просто не смогу подписать положительную характеристику и рекомендовать в учебное заведение, куда мы планировали направить Маргариту после окончания школы. Надеюсь, вы меня понимаете?

Выйдя из административного корпуса, мама молча пошла к воротам. Я ждала, что меня будут ругать. Но... Она быстро шагала впереди, почти бежала, словно старалась поскорее убраться со школьного двора.

В тот вечер мне сказали, чтобы я перестала говорить в школе о том, что читаю. А ещё строго-настрого запретили спорить с учителями...

***

Когда после начальной школы нас пригласили на тестирование, чтобы распределить по классам, я недобрала трёх баллов для поступления в профильный гуманитарный. Надежда учиться у преподавателя-человека в числе избранных 25–30 учеников растаяла, как дымка поутру над рекой. Впереди ждали занятия с искусственным интеллектом в помещении на 150 школьников, больше похожем на спортзал с электронными досками-дисплеями, развешенными по стенам, да неопределённые перспективы по окончании школы.

Но на следующий день меня и ещё нескольких ребят пригласили на дополнительный тест. Удивительно, в этот раз я набрала максимальное количество баллов и теперь могла выбирать, где учиться. И не только в физико-математическом, лингвистическом, технологическом или гуманитарном классе. С дополнительными баллами я могла выбрать любой из профильных, даже тот, где обучали будущих управленцев – детей чиновников, военных и прочей элиты.

И всё же я выбрала гуманитарный. В его программе истории, риторики и прочих дисциплин было в разы больше, чем во всех остальных. К моему счастью, нас оказалось только 20 учеников. Это радовало, ведь в малочисленном классе учитель может уделить внимание каждому, ответить на все вопросы и разъяснить, если непонятно.

Но и в профильных классах были свои жёсткие нормы. Нам запретили пользоваться дополнительными материалами сверх школьной программы. Разрешены лишь учебники и пособия, выданные перед началом учебного года. За неподчинение – перевод в общий класс без права возврата.

Лишиться перспектив на будущее не хотелось, хотя я быстро осознала, что учиться по таким книгам и правилам мне неинтересно.

А правила были жёсткие! Сначала изменили график тестирования. Трижды. Мы сдавали зачёты по всем предметам два раза в год. Потом каждые два месяца. Затем раз в месяц и, наконец, раз в неделю. Для учеников профильных классов не сдать зачёты три раза подряд по одному предмету означало безоговорочный перевод в общий класс. Этого все очень боялись и потому учились со всей прилежностью.

Я тогда и подумать не могла, что перспектива оказаться в общем классе снова замаячит передо мной назойливой мухой. И вот теперь потеря будущего стала для меня осязаемой и реальной.

Когда мы вернулись домой, я решила поговорить:

– Мама, пойми, мне не нравится школьная программа, не нравятся те ограничения, что вводятся из месяца в месяц. Именно потому я прошу у деда дополнительную литературу и если учитель говорит не то что написано в книгах, стараюсь поправить.

– Тише, Рита! Замолчи! – зашипела она.

– Почему нам запрещают читать? В книгах столько всего интересного! В учебниках лишь цифры и общие фразы. Они не дают представления ни о чём из того, что написано во всех тех справочниках, энциклопедиях и сборниках на полках дедовой библиотеки. Я уже многое прочла. Так вот, в наших учебниках об этих событиях даже не упоминается. Там многие факты искажены, ничего нет ни о мировых войнах прошлого, ни о том, что рассказывали бабушка и дед, понимаешь? В учебниках ничего не пишут очень о многом.

– О чём, например?

– О том, что происходит сейчас. Что было в начале века. Кризис. Война. Этого нет в учебниках! Почему у нас всё не так, как пишут в книгах? По-твоему, нашу жизнь можно назвать счастливой? Что происходит, мама?

Она тяжело вздохнула:

– Кризис! Война!.. Всё, что описано в учебниках нужно просто заучить, чтобы сдать итоговый зачёт, – оглядываясь по сторонам, будто кто-то мог увидеть нас внутри дома, отмахнулась мама. – Лучше не думать и не обсуждать это. Что случилось на самом деле начиная с первых годов нашего столетия, никогда не скажут. И ты не вздумай спрашивать в школе – будет только хуже. Всем нам, и прежде всего тебе, понимаешь?

Я понимала. Видела, как напугана мама, как качал головой папа, в очередной раз повторяя, что правила нарушать никому не дозволяется. А ещё я видела, как редели профильные классы, как выбегали из кабинета директора зарёванные ученики и их бледные, угрюмые родители. И потому дала себе обещание, что со мной такого никогда не случится. Я стану незаметной, тихой как мышка. Буду отвечать только то, что спрашивают, даже если знаю больше того, о чём пишут в школьных пособиях. Буду прилежно учиться и обязательно сдам выпускные тесты.

Мне удалось! На итоговом испытании я набрала максимальное количество баллов и одна из первых получила распределение в городской университет. И хотя обучение в нём было не такое строгое, а правила не столь жёсткими, продолжала придерживаться школьных привычек. Когда мне вручали диплом и направление на работу, декан даже удивился:

– Надо же, какая студентка у нас училась! У вас, Маргарита Юрьевна, потрясающие достижения! Почему я не замечал вас раньше?

О любвеобильном декане в университете ходили легенды. Хотя обучение было в основном дистанционным, время от времени мы появлялись в стенах заведения. Становиться очередной победой смазливого ловеласа мне не хотелось. И тут моя привычка быть незаметной оказалась как нельзя более кстати.

К тому же я слышала, что одно правило соблюдалось очень строго: студентам запрещалось использовать для обучения любую литературу, кроме той, что предоставлялась университетом. За этим следил лично декан. Особенно он не любил тех, кто задавал много вопросов и пытался понять суть. А я была именно из таких, но быстро нашла выход: зазубривала то, что было в учебных пособиях, и штудировала библиотеку деда, надеясь докопаться до истины. Так что поводов не показываться декану на глаза у меня было предостаточно.

Вспоминая годы учёбы, я с благоговением глядела на книги. Местами потрёпанные корешки стояли «по стойке смирно» на полках за стеклом. Дед любил, чтобы везде был, как он часто повторял, «армейский порядок», хоть я и не понимала, какое отношение к армии имел дед-инженер. А он не рассказывал. Зато книги выстраивались стройными рядами по темам, авторам и цветам. Не сами, конечно. Как главнокомандующий, дед лично наводил порядок в

библиотечных войсках и строго следил, чтобы всякая книга непременно возвращалась на своё место.

В простенке между окнами позади массивного письменного стола примостился шкаф, куда строго-настроено запрещалось заглядывать всем без исключения. Это был личный архив деда, его дневники, заметки, чертежи и книги, которые он часто перечитывал. До недавнего времени этот шкаф запирался на ключ, который дед, а потом бабушка всегда носили с собой. И хотя после её смерти папа стал полноправным хозяином дома, в шкаф по-прежнему никто не заглядывал.

Только недавно я узнала, что, оказывается, всё это время ключ лежал в верхнем ящике стола. Протирая пыль, зацепилась тряпкой за ручку, потянула, и ящик открылся. Старинный витой ключ, такой же массивный, как шкафы и вся мебель в библиотеке, лежал на бабушкиной потрёпанной записной книжке. Туда она старательно заносила все адреса и телефоны друзей и знакомых. Не знаю, почему родители не отправили его в утилизацию? Пользы от блокнота никакой. Больше половины адресатов они не знали, да и вряд ли те люди были живы, столько лет прошло. Телефонов давно ни у кого в личном пользовании нет. Но шершавая поверхность блокнота хорошо удерживала предметы и не позволяла им соскальзывать. Вот и служил блокнот подставкой.

Я открыла ящик, достала ключ, вставила в замочную скважину и повернула. Протяжно скрипнув, дверки раскрылись. Из шкафа пахло пылью, старой бумагой и чем-то ещё, неизвестным и оттого таким манящим. Новые запахи медленно наполняли библиотеку, щекотали в носу и разжигали успевшее задремать за последнее время любопытство.

Две верхние полки шкафа занимали толстые высокие книги в ветхих переплётках – дедовы энциклопедические словари и справочник, которые он очень берег. На средней полке разместились разношёрстная по высоте, толщине и переплёту техническая литература. Странно, что дед не построил эти книги по росту. Но именно их он читал чаще остальных. Даже перестав работать, он продолжал консультировать и делиться знаниями, всё время что-то изобретал и конструировал. А потом они с папой долго возились в мастерской или подвале.

– Что ты изобретаешь? – увидав однажды деда за работой, спросила я.

– Конструирую «улучшители домашнего быта»! – отложив в сторону карандаш, с гордостью произнёс он. – В моей молодости в ходу была поговорка: «Мой дом – моя крепость». Так вот наш дом – тоже крепость, а точнее – Ковчег. Здесь есть всё, чтобы выжить при любой ситуации. Что бы ни случилось, верь этому дому. Только он и спасёт тебя!

Он говорил с таким вдохновением и такой уверенностью! Я поверила в то, что дом бабушки и деда самое безопасное место не только в нашем городе, но и во всей агломерации, а может, и в целом свете. Эту веру я хранила в себе почти до конца школы. Но когда деда не стало, я долго отказывалась принимать случившееся. Просто не могла понять, отчего дом, который он так любил, куда вложил столько души, времени и сил, не спас его. Почему он не укрылся в нём, если верил, что дом способен защитить от всего? В чём тогда смысл Ковчега? Эта мысль долго терзала меня. Да и теперь, хотя прошло уже много лет, она всё ещё не отпускает, заставляя сомневаться.

На нижней полке под задней стенкой стопочкой лежали папки с чертежами. Я как-то видела их на дедовом столе, рассматривала, пытаюсь сообразить, что там да как, но ничего не поняла. Без специального образования все эти чёрточки, кубики, кирпичики и трапеции выглядели как хаотично или упорядочено расположенные геометрические фигуры. И лишь специалист в состоянии распознать, что за строение или агрегат изображены в разрезе.

Чертежи мне были неинтересны. Я искала дневники деда, точнее, один из них, бордовый толстый блокнот в кожаном переплётке, перехваченный витым шнурком. Именно в нём дед делал последние записи, с ним никогда не расставался, нося в большом кармане вязаной и, как мне казалось, неудобной тяжёлой кофты. Его он старательно прятал ото всех, кроме папы.

Вот и теперь дневник нашёлся не в стопке тетрадей и блокнотов с заметками, набросками и таблицами, а между папками с чертежами, куда, по его мнению, вряд ли кто-то из нас полезет. К тому же для этого надо было отыскать ключ, который дед носил в кармане, и открыть шкаф. И эта скрытность, эта таинственность настораживали куда больше, чем простое нежелание что-либо объяснять.

Отчего в последние месяцы жизни дед не расставался с дневником и почему так тщательно прятал ото всех, стало понятно, едва я прочла первые страницы. То, что мы с мамой и бабушкой принимали за паранойю, было не чем иным, как желанием уберечь нас, защитить, обезопасить нашу жизнь.

«17 марта 2050 года.

Выезжал на комбинат. Не могу понять, зачем понадобилось расконсервация подземных этажей? Надо аккуратно расспросить главного инженера. Странный он! Пока спускались в лифте и осматривали ЦПУ⁴, оглядывался, суетился. Мне говорили, он уравновешенный человек. Отчего тогда этот страх? Выяснить».

«24 марта 2050 года.

Главный инженер задавал вопросы о системе вентиляции на нижних этажах комбината. Интересовался, соединена ли она с вентиляционной системой сети тоннелей. Спрашивал, есть ли копии документации из архива? Сколько? У кого? Выражал сомнение, существуют ли тоннели на самом деле. Похоже, что вход они ещё не нашли. На вопрос: зачем ему построенные немцами более ста лет назад отходные пути, отвечал уклончиво. Спрашивал, знаю ли я, где вход. Срочно выяснить, зачем им понадобились тоннели, и что из чертежей у них есть».

«30 марта 2050 года.

На комбинат прислали нового начальника. Не слышал про него ранее. Фамилия противная, как и он сам. Попытаться выяснить, кто такой.

Новый начальник допытывался, верно ли то, что заваренные массивные ворота на нижнем уровне подземных этажей, и есть вход в заброшенные немецкие тоннели. Требовал сказать, бывал ли я в них.

Спрашивал, известно ли мне что-то про военный архив немцев, который они якобы не успели вывезти, про тайные выходы на поверхность, их количество, местоположение, особенно тех, что завалены снаружи. Интересовался, есть ли у меня чертежи тоннелей. Просил разрешения порыться в моём архиве. Уговаривал. На отказ – угрожал.

Попытался уверить его, что все архивы и прочую документацию мой отец передал в особую часть комбината ещё в прошлом веке, откуда их изъяли спецслужбы. Не думаю, что поверил. Что-то не так с этим начальником. Попробовать выяснить, но прежде спрятать архив и подготовить бункер для длительного пребывания».

– Бункер?

Я уставилась на последнее предложение. Какой бункер дед собирался готовить? Где?

В детстве мы с Ромкой и Витей облазали весь остров вдоль и поперёк, но ничего похожего на укрытие или тем более подземное жилище не находили. Не может же дед называть бункером бетонные полуразрушенные укрепления на берегу? Мы там играли, но жить в продуваемой ветрами бетонной коробке без света, удобств, воды и отопления, это вряд ли. Да и

---

⁴ ЦПУ – центральный пункт управления.

старая водяная мельница по ту сторону реки мало походила на пригодное для жилья строение. Не может же этот бункер находиться на территории комбината? Или может?

Предчувствие беды липким холодным потом заструилось по спине. Меня передёрнуло. О каком бункере всё же писал дед? Я перевернула страницу дневника.

«31 марта 2050 года.

Перенесли с Леной архив и ценности вниз. Вечером придет Юра с семьёй. С утра отправить Риту на весь день в кофейню, пока не закрыли. Ни к чему ей эти хлопоты. Успеет ещё повзрослеть. Да и про бункер ей пока знать не нужно. Мало ли, ещё проболтается.

Попросить невестку помочь Лене с консервацией и продуктами длительного хранения. Удивительно, но Яна мастер компактной упаковки! Впихнёт на полки в три раза большие, чем туда может поместиться, на первый взгляд. Да, и не забыть дать поручение Яне проверить медикаменты и укомплектовать аптечку.

С Юрой – подключить и проверить систему жизнеобеспечения. Сделать пробный запуск насосов, генераторов, испытать механику светозащиты и дежурное освещение.

Уговорить Лену расстаться с частью «стратегических запасов на всякий пожарный». Лучшие со всеми запасами. Думаю, согласится. В свете последних событий топливо ценнее. Сделать брикеты для системы жизнеобеспечения, насколько хватит ресурсов. Напомнить Юре выписать дополнительные реагенты для утилизатора, сколько возможно.

При экономном планировании энергии, бережливом расходовании продуктов и средств выживания, в бункере можно продержаться года два, не меньше».

Отложив дневник, я задумалась. Слишком много информации сразу. Выходит, то, что лежит в шкафу, это не дедов архив? Ещё раз посмотрела на дату. 31 марта 2050 года.

Как ни странно, но этот день и следующий я помнила очень хорошо. Дед расщедрился и дал мне карточку с остатками платёжных средств. Отправил в кофейню, единственную на острове, что ещё работала и обслуживала посетителей не только за кредиты, но и за деньги, которых у населения к тому времени почти не осталось. Он велел пригласить туда друзей, подруг и хорошо повеселиться. Как чувствовал, что вскоре произойдёт нечто, из-за чего наша жизнь изменится раз и навсегда.

Так и случилось. Очень скоро деда не стало. Он умер 9 мая 2050 года, в день юбилея Победы в Великой войне. Бабушка рассказывала, в прошлом веке этот день отмечали очень торжественно, военным парадом и салютом. По телевизору показывали фильмы о подвиге народа, из громкоговорителей на улицах неслись песни тех лет...

Теперь всё иначе. С того времени прошло более века. 9 мая обычный день, такой же как и другие 364 дня в году. О былом никто не вспоминает. Мир изменился. Да и кому вспоминать, когда население на планете сократилось на две трети против того, что было на рубеже столетий? От одних стран остались лишь названия. От других – осколки. Как и от нашей.

Дед часто говорил: то, как мы живём – не «худо». Будет ещё хуже. Говорил, и очень расстраивался, что не может ничего изменить. Он оказался прав. В конце зимы 2050 года всё рухнуло. Наверное, хорошо, что дед этого не узнал...

Я ещё раз перечитала запись за 31 марта. Что же получается? Бункер под домом? Но где?

«4 апреля 2050 года.

Дети уехали за реку.

Всё, что запланировал – сделали. Даже маскировку входа в бункер проверили. Работает как часы. Стук. Стук. Стук, чтоб не сглазить. Если не знаешь, где дверь – ни за что не найдёшь.

Днём вышел в сад подышать свежим воздухом. Всё время, пока сидел на лавке, над двором висел дрон-охотник. Сказал Лене. Говорит, что у меня паранойя».

Значит, всё же бункер здесь, в доме. И вход в него, судя по всему, из подвала.

Отложив дневник, я встала. Но дойдя до лестницы, вернулась, взяла со стола дневник и сунула подмышку.

«Ну вот! Дедова паранойя накрыла и меня», – мелькнуло в голове.

Спустившись, я несколько раз прошлась по коридору взад и вперёд. Внимательно вглядываясь в стены, обшарила все подсобные помещения... Ни-че-го! Нигде никакого намёка на дверь. Как дед и писал: «Если не знаешь – ни за что не найдёшь!»

Дольше всего я искала в котельной, ведь именно там находились основные агрегаты жизнеобеспечения. Смеркалось. В узком окошке под потолком погасло солнце. Спряталось за деревья и дома, готовясь нырнуть в чёрные воды реки. Я вернулась в библиотеку, плотно прикрыла за собой дверь и уселась в дедово кресло читать дневник. Мне очень хотелось узнать, что было дальше, и, возможно, отыскать намёк на местонахождение бункера.

Громкость видеостены увеличилась. Послышались звуки информационной заставки, а я так и осталась сидеть за дедовым столом. Это в начале, когда установили стену, мы все бежали в общую комнату слушать сообщения от властей. Но скоро поняли, что из раза в раз новостной блок повторяется, а нерегулируемая громкость такова, что слышно, будто видеостена находится рядом с тобой в любой комнате. Ну, или почти в любой.

Диктор, в который раз монотонно повторяла про гаджеты-убийцы, про отравленный воздух и социальную ответственность граждан. Пугала уничтожением всех, кто выйдет из дома с наступлением комендантского часа, грозила лишением обеспечения тем, кто не пожелает мириться с распоряжениями властей. Я не слушала. За многие недели эти однотипные сообщения надоели до зуда в ладонях. И вдруг до слуха донеслось:

«... в 17.32 по бинскому времени на территории химического комбината произошла авария...»

Сорвавшись с места, я бросилась в общую комнату.

«...Вследствие взрыва, повлёкшего за собой возгорание и обрушение кровли, пострадал западный технический корпус. Семь специалистов, двадцать четыре рабочих и восемь охранников числятся пропавшими без вести. К настоящему времени пожар практически потушен. Причины происшествия выясняются».

Бесцветный голос диктора продолжал вещать дальше, а у меня в голове всё сильнее стучали молоточки:

«Не может быть! Это неправда! Западный технический корпус. Папин корпус! Не-ет... Папа не погиб! Он вернётся! Он непременно вернётся, как и обещал!»

Внезапно я поняла, что пропустила самое важное. Имена. Страх настолько завладел мной, что я не додумалась послушать, кого считают пропавшим без вести. Вдруг папы в этот момент там не было? Может, он вышел? Может, был у начальства?

Смахнув слёзы, я тряхнула головой:

– И вообще! Пока не увижу – не поверю!

Усевшись на диван, я стала ждать повторения новостей, прокручивая в голове слова диктора: «...Вследствие взрыва, повлёкшего за собой возгорание и обрушение кровли...»

– Почему я не слышала взрыва? – неувязка в словах и действительности сразили не меньше, чем сама авария. – Комбинат неподалёку, и ближе всего именно западный технический корпус. Я должна была услышать взрыв. Что происходит?

Увы, тот, кто, возможно, знал ответ на этот вопрос, не мог мне его дать. Сколько тайн! Мелочей, что я не замечала прежде, и которые проявляются сейчас. Они проступают на поверхность, как голая, истосковавшаяся по теплу земля обнажается по весне из-под лежалой корки посеревшего прошлогоднего снега. И вот уже то, что казалось обыденным, предстаёт в ином свете, безобразно скалится, гогочет беззубым ртом, и вдруг выпускает клыки и впивается в плоть, причиняя неистовую боль. Так выглядит животный страх. Ужас, пронзающий тело с головы до пят, выворачивающий и ломающий кости, вырывающий кусками внутренности, упивающийся ещё тёплой кровью... Вот от чего так старательно оберегала меня бабушка. От чего пытались защитить мама и папа. Страх потерять близкого, родного человека.

Меня замутило, и я бросилась в туалет. Внутренности скукожились, сжались до боли, а потом вывернулись наизнанку, извергнув фонтан паники вперемежку с отчаянием. Бледное отражение в зеркале неумолимо стучало в висках – моя жизнь ещё не завершена. Умывшись холодной водой, я побрела в общую комнату, где как раз начался повтор новостей.

Привести мысли в порядок получилось, только когда на экране появилась фотография папы:

«Среди пропавших без вести старший инженер системы безопасности и жизнеобеспечения комбината Вардин Юрий Матвеевич».

То, с каким равнодушием диктор зачитывала по бумажке имена, поражало своей циничностью. словно в разных городах живём, по другим улицам ходим, да и общих знакомых у нас отродясь не было. Чернореченск ведь не мегаполис. Это в них, как говорили, до войны жили миллионы. А в нашем городе и раньше менее 20 000 было, а теперь и вовсе сократилось вполовину, если не больше.

Бросив недовольный взгляд на видеостену, подумала, что возможно цинизм и бездушие – это у диктора профессиональное качество. Что дали, то и читает по бумажке. Что с неё взять?

Я посмотрела на часы. Стрелка приближалась к половине восьмого. Вот-вот вернётся мама. Как мне сказать ей о случившемся? А если она знает? Вдруг скажет, что это ошибка? Может быть, папу нашли? Может быть он в госпитале? Хоть бы это было так!

Пискнул датчик биопропускника, зашумел газопреобразователь. Дверь открылась. По опущенным плечам и голове мамы всё понятно без слов – она знает. Я прислонилась к косяку двери и молча смотрела, как она снимает защитный комбинезон, как убирает уличную одежду в бокс, как устало садится на банкетку у двери.

– Мама, это правда?

Она не ответила. Тяжело поднялась и, стараясь не смотреть на меня, пошла на кухню.

– Мамочка, прошу тебя, не молчи! Скажи, что это неправда! Скажи, что папа не погиб! – не выдержав, разрыдалась я.

Вообще-то это мне надо успокаивать маму, мне положено заботиться о ней и поддерживать в трудную минуту. Но я повела себя как маленькая девочка. Опять... Снова забыла, что мне почти двадцать пять лет и моя профессия решать такие вот ситуации, а не создавать их.

– Рита! Доченька! – мама оставила в сторону чашку с только что залитым кипятком чаем и обняла меня. – Не плачь! Ну, помнишь, однажды на комбинате уже была авария. Тогда мы тоже думали, что и папа, и дедушка погибли. А они и сами спаслись, и соседу Андрею выжить помогли. Ещё ничего не известно. Разве сказали в новостях, что они погибли?

– Нет, – вытирая лицо руками, всхлипнула я. – Только то, что пропали без вести.

– Вот видишь! Рано расстраиваться.

Я обняла маму, прижалась, как в детстве, и замерла, прислушиваясь к стуку её сердца. Странно! Оно билось ровно и спокойно, будто ничего не произошло и мама ничуть не встревожена.

– Смотри, я тебе кое-что принесла, – отстранившись от меня, она потянулась к сумке. – Одной из медсестёр выдали в допайке. Ты её знаешь. Лика! А у неё диабет, ей такое нельзя. Странно, что ничем другим не заменили, им же всё известно о нас. Но может это и к лучшему. Мне такое не дают. Вот мы с ней и поменялись. Я ей галеты дала, а она мне это. Тебя порадовать.

Рассказывая, мама достала три пакетика с ярко-оранжевыми кругляшками внутри.

– Что это? – удивилась я.

Память рисовала неясные картинки, размытые, словно в краску, нанесённую на бумагу, капнули воды.

– Это сухофрукты. Курага! Неужели забыла? – мама разорвала пакетик, достала и протянула мне яркую ароматную половинку. – В них много витаминов, калий для сердца.

Я осторожно надкусила краешек. Курага оказалась кисловатой. Но только в начале. Сладкий терпкий вкус наполнил меня воспоминаниями детства. Надо же, я и правда успела забыть. Дерево росло у соседского забора и свисало тяжёлыми ветвями почти до земли... Абрикоса! Бабушка каждый год делала из неё курагу: разламывала плоды на пополам, вынимала косточку и раскладывала в тени, накрыв тонким полотенцем. А дед колот косточки, высушивал сердцевинки и потом смалывал в муку.

– Вкусно!

– Ешь по две штучке в день. Тебе полезно. Вон, какая бледная!

Мама коснулась тёплой ладонью моей щеки, погладила волосы:

– Я пойду спать.

– Ты не поужинала, – удивилась я. – Да и рано ещё ложиться.

– Знаю, но... – она замолчала, словно обдумывала нужные слова, а потом тихо заговорила. – На комбинате разбирают завалы. Если найдут пострадавших... папу и остальных... меня вызовут в госпиталь. Нужно отдохнуть.

Она посмотрела на меня так долго, будто хотела запечатлеть в памяти каждый волосок, ресничку, наклон головы или лёгкий прищур глаз.

– Ритуля, доченька! Улыбнись, пожалуйста! – тихо попросила она. – Ты у нас такая очаровательная!

Просьба удивила. А потом испугала.

«Что происходит? Почему мама ведёт себя так, словно прощается со мной? Или это мне только кажется? Может это и правда всего лишь усталость, а я напридумывала себе всякого. Опять. Ищу подвох там, где его нет, и не замечаю странности там, где она есть».

Но отказать маме в просьбе не смогла. С трудом выдавила из себя самую милую улыбку, на которую была способна в этот момент.

– Всё будет хорошо, родная! Верь мне! – улыбнулась она в ответ, поцеловала меня в лоб и, тяжело ступая, побрела по лестнице наверх.

А я завернулась в плед и уселась на диване. Ждать новостей. Очень хотелось, чтобы случилось чудо. Вот-вот начнётся очередной новостной блок, и скажут, что папа жив. Весь этот кошмар окажется всего на всего страшным сном...

Как задремала – не помню. Где-то вдалеке диктор вещала об аварии, напоминала про комендантский час и радиус удаления от жилища для обнулённых...

Проснулась внезапно. За окном солнце. Резко отбросив плед, я вскочила. Утро? Когда наступило утро, я едва прикрыла глаза? Но действительность не оставляла шансов на ошибку. По видеостене шёл ролик о гражданском доверии и важности соблюдения правил.

– Мама!

Заглянула на кухню, а там никого. Обжигающим холодом поползла по спине непонятная тревога. Навалилась, окутала плечи. Ладони стали влажными.

– Мамочка! – я бросилась наверх в спальню.

Даже если отдыхает, то наверняка проснётся от такого топота.

Я замерла на верхней ступеньке. Видеостена. Она работает. Значит, не я первая проснулась.

Я носилась по дому в надежде отыскать маму, но её нигде не было: ни в родительской спальне, ни в моей комнате. Сбежав вниз, кинулась в подвал. Вдруг она там? Но и в подвале мамы не оказалось.

– Успокойся! – уговаривала я себя, поглядывая на мерцающий браслет и стараясь ровно дышать. – Возможно, среди ночи привезли пострадавших. Сработал пульт вызова. За ней приехали, она ведь предупреждала.

Я вернулась на кухню и включила чайник. На столе стояла тарелка с маленьким черничным кексом – моим любимым – и карточка. На ней красивым, совсем немедицинским маминим почерком было написано: «С днём рождения, доченька! Ты самое ценное, что у нас есть. С любовью, мама и папа».

– Надо же... Забыла, что сегодня день рождения. Мне двадцать пять...

Я не любила дни рождения. Они навевали тоску и унынье. А ещё в разные годы в этот день случалось много плохого. Под колёса машины попал любимый котёнок. Порвала подаренное дедом и бабушкой дорожное платье и едва не осталась без ноги – пропоролла ступню. Провалила недельные тесты и едва не получила перевод в общий класс.

В мой день рождения случилась первая драка, из-за которой Витю Болтарева едва не исключили из школы. До сих пор чувствую себя виноватой, ведь он дрался из-за меня. И незадолго до выпускного тоже. Только в тот раз ему уже не повезло. Исключили. Ромка пропал именно в мой день рождения. Вот и сегодня ничего хорошего ждать не приходится. Да я и не жду.

Отгоняя тревожные мысли и ругая себя за лёгкую дрему так некстати погрузившую меня в глубокий сон, достала чашку. Когда-то это была любимая бабушкина фарфоровая чашка, единственная, сохранившаяся из сервиза. Его ей, как она говорила, подарили на свадьбу бабушка и дедушка. Теперь она моя. Родители не любят фарфоровую посуду, предпочитают стекло или жаропрочный пластик. А мне она нравится. Кофе в ней особенно вкусный.

Но сегодня будет опять чай. Бросив в чашку сушёные веточки и плоды черники, я на кончик ложки набрала немного порошка из цедры лимона. Ещё когда бабушка была жива, маму угостили парочкой крупных ароматных жёлтых плодов. Откуда они в наших краях взялись, она не рассказывала, но в пайкоматах такую диковинку не выдавали. Бабушка тут же срезала все корки, высушила, измельчила и строго-настрого запретила трогать.

«Только на крайний случай использовать цедру! – велела она. – Чтобы мысли в порядок привести, голову освежить и бодрости набраться».

С тех пор банка так и стояла в шкафу. За всё время пару раз видела, как мама брала оттуда по чуть-чуть папе в чай. Но теперь привести мысли в порядок потребовалось мне.

Почему я не слышала, когда уходила мама? Раз она уехала в госпиталь, стало быть, нашли пострадавших. Значит, возможно, папа жив!

Громкость видеостены увеличилась. Я взяла чашку и пошла в общую комнату.

«Передаём экстренные новости!»

Я напряглась и, предчувствуя беду, замерла.

«Сегодня в 10 часов утра по бинскому времени в госпитале городка химкомбината произошла авария: отключился основной энергетический блок центрального корпуса и крыла для выздоравливающих. По неизвестным причинам резервный генератор не сработал. Для эвакуации заблокированного в здании медперсонала и пациентов была предпринята попытка открыть автоматические двери. В этот момент произошёл резкий перепад напряжения в энергосистеме, повлёкшей за собой замыкание в сети. Вспыхнувший пожар мгновенно распространился по линиям электропитания и шахтам лифта, уничтожив два крыла госпиталя. Весь медперсонал, находившийся в здании на момент аварии, а также военные, спасатели и пациенты погибли. Власти города будут разбираться в причинах чудовищной трагедии».

В глазах потемнело. Голову сдавило, будто железным обручем, а в висках застучало множество молоточков. Как же так? Этого не может быть! Нет! Только не мама!

Я ощутила вязкую горечь во рту, захотела глотнуть чая, но чашки в руках не оказалось. Опустив взгляд на пол, увидела осколки. Как белые кораблики в тёмных водах черничного чая, они лежали у ног. Не почувствовала, как выронила чашку, не слышала звука разбившегося фарфора. В ушах гудела пустота. Оглушительная, пронзительная, звонкая.

Присев, стала собирать осколки. Резкая боль вернула меня в реальность. Звуки, запахи, ощущения сделались неимоверно острыми, насыщенными, громкими. Даже солнечный свет, что проникал в окна, и тот необычайно ярок.

Мама! Папа! Меньше чем за сутки я потеряла обоих родителей!

– Силы небесные, дайте мне проснуться! – сказала и сама удивилась.

Я не верила в то, что кроме нас, живущих на осколках мира, существует кто-то Всемогущий. Но бабушка верила. И всякий раз, когда случалась напасть или уверенность оставляла её, призывала помощь.

«Силы небесные, укрепите!

Силы небесные, защитите!

Силы небесные, уберегите от беды!»

Велико же моё отчаяние, что я вспомнила о Всемогущем. Вспомнила, но на помощь не надеюсь. Как кто-то невидимый поможет справиться с потерей? Что мне теперь делать? Как жить дальше? Да и вообще... жить...

Диктор говорила что-то ещё. Я не слушала. На экране мелькали фотографии погибших в госпитале. Не смотрела. Не было необходимости. Если в центральном корпусе погибли все, значит, и мама. Остаётся надеяться, что она не сильно страдала.

Папа! Крохотная надежда, как светлячок в ночи зажглась, но лишь на мгновение. Может, он ещё жив? Может, его найдут? Но если папа отыщется, кто будет спасать его? Основной и самой важной части госпиталя больше нет. Папа обречён. Я потеряю и его...

«...Военные закончили разбор завалов технического корпуса комбината, пострадавшего вчера при взрыве. Выживших найти не удалось».

Я подняла голову на видеостену. Множество фотографий. И бездушный голос диктора – погиб. Погиб. Погиб... Надежды больше нет. Как и родителей.

Под ребро кольнуло. Больно! Нестерпимо больно... В голове застучало: это не самые страшные новости за сегодня, худшее впереди. Со смертью мамы и папы моя жизнь вышла на финишную прямую. Завтра утром я должна была получать продукты. Нет родителей – нет обеспечения. Я, конечно, пойду. Но, скорее всего, пайкомат расцветится красным, таким же ярким, как кровь, что сочится из порезанных пальцев. Память напомнила про огромное пятно, расплывшееся на мостовой в тот день, когда погибли дядя Жора и тётя Люся. Вновь нахлынул

страх. Словно чьей-то железной рукой сдавило горло, не давая вздохнуть. По коже пробежался холодок. Стало зябко и жутко тоскливо. Слеза медленно скатилась по лицу.

Можно ли смириться со смертью, с потерей близкого, родного человека? А двоих, любимых, самых дорогих? Вряд ли... Принять – наверное, можно. Вот только не так, как я это делала, отвергая саму смерть.

– Говорили тебе, пора взрослеть. А ты, размазня, неженка, сопротивлялась! На тебе! Получай! – зло процедила я себе и тряхнула головой.

Волосы рассыпались по плечам. Как мне справиться с горем? Как принять то, во что и верить нет сил. Я боюсь смерти. Боюсь всего, что с ней связано. Боюсь думать, что гибель родителей – правда. Но если это так, я должна принять. Должна выжить. Только не знаю, как. Едкие, горькие, горячие слёзы в два ручья бежали по лицу. Словно в лихорадке меня затрясло. Пришлось забраться на диван и укутаться в плед...

... Я не помнила, как прошёл день, и куда подевалась ночь. Словно липкий непроглядный туман окутывал меня всё это время, сковывал движения, не позволял вдохнуть полной грудью. Утро наступило так же внезапно, как и накануне. Едва я открыла глаза, вспыхнул экран видеостены.

Странно! Папа говорил, что со смертью обеспеченного члена семьи все коммунальные привилегии отключаются. Но свет пока ещё есть.

Я поднялась и сделала чай. Горячий, терпкий, он разлился благодатным теплом, согревая нутро. Удивительно, но голода я не ощущала, хотя за прошедший день ничего не ела.

Посмотрев на часы, стала собираться на улицу. Одела защитный костюм, взяла тележку с пустыми контейнерами. Когда распахнулась дверь биопропускника, не сразу сообразила, что можно выходить из дома. Неожиданно сильно разболелась голова, а ноги стали такими тяжёлыми, словно к ним привесили пудовые гири.

С трудом добралась до пайкомата. Поднесла руку с браслетом к сканеру. В цилиндре привычно щёлкнуло, и нижняя часть передней панели опустилась.

– Здравствуйте. Маргарита Вардина. Поставьте пустые контейнеры на платформу. По одному, пожалуйста, – безразлично произнёс электронный голос.

Отправила тару на подвижную платформу и стала ждать. Когда приёмная ниша закрылась, распахнулась другая, и монотонный голос велел:

– Поднесите идентификатор к внутреннему сканеру.

Я просунула руку в нишу. Серебристый цилиндр засветился красным, а электронный голос громче обычного произнёс:

– Вы утратили рейтинг гражданского доверия. Статус «обнулённая». Ваш кредит лояльности заблокирован. Доступ к системе жизнеобеспечения заблокирован. Отойдите от терминала. В доступе отказано.

– Заблокирован, – прошептала я, убирая руку из ниши. – Выходит, это правда. Родителей больше нет.

Внутри меня всё сжалось.

«Это надо принять... Принять... Но как?»

Я отошла от пайкомата и, спотыкаясь, побрела домой. Надо набрать воды, если ту ещё не отключили.

На моё счастье, вода в кране была. Я успела наполнить двенадцати литровый бак, чайник и пару пластиковых бутылок, прежде чем услышала резкий, давящий на голову звуковой сигнал.

— Ай! – вырвалось у меня.

Кран зарычал и пересох. Свет вспыхнул, напоследок озарив собой дом, и погас. Видеостена моргнула, щёлкнула и выключилась.

Тишина...

Такой оглушительной тишины я не помню с итоговых тестов в университете. Мы сидели в индивидуальных шумопоглощающих кабинках, словно в вакууме. Вот и теперь – никаких сторонних звуков. Так тихо, что слышу стук сердца.

Вспыхнуло лицо, и тепло начало стремительно расползаться по телу. Схватила стакан, плеснула туда воды, залпом проглотила. В ушах зашумело. Сдавило виски. Но жар, словно я подбросила в костёр сухих поленьев, разгорелся с новой силой.

Я посмотрела на ёмкости с водой:

– Вот и всё. Максимум на две недели, а потом...

В голове отчётливо зазвучал голос папы:

– «Это источник воды, а значит, жизни. И воды у нас с избытком. Запомни, случись что непредвиденное, второй этаж можно отключить от отопления и электричества...»

– Папочка! Ты как будто знал! – прошептала я и бросилась в подвал.

Из-за всего свалившегося на меня за последние дни, позабыла, что ещё есть шанс выжить.

Сняв короб с водяного насоса, нажала кнопку. Двигатель вздрогнул и тихо заработал. Я приоткрыла кран и услышала шум поднимающейся по трубе воды.

– Вода есть! – обрадовавшись, осмотрелась. В углу стояли ящики с брикетами для генератора и котла.

– Надо было расход топлива спросить. И почему не подумала об этом?

Решив, что нужно будет покопаться в дедовых записях, вдруг отыщется что-то полезное о системе жизнеобеспечения дома, я нажала кнопку и отключила второй этаж от электричества. Послышалось едва уловимое жужжание, и дневной свет в котельной стал меркнуть. Я огляделась. Чёрный рулон, прикрепленный над окошком, разворачивался, наползая на стекло светоотражающей шторой.

– Так вот это для чего! – в который раз удивилась находчивости и смекалки деда.

Взяв с полки фонарик, я пошла вверх. Дом погрузился в кромешную темноту, настолько плотную, что не будь у меня в руках источника света, даже хорошо зная расположение мебели в доме, я наверняка расшибла бы лоб.

Споткнувшись о табуретку, буквально влетела в простенок между окнами.

– Да что же такое! А ну, соберись! – отругала себя и принялась рассматривать маленькую плоскую коробочку на откосе окна.

– Интересно, ты для какой надобности тут и почему я не видела тебя раньше?

Ощупывая странное устройство, я наткнулась пальцем на крошечную, едва ощутимую кнопку. Решила – раз инструкцию к дому-ковчегу мне не выдали, буду испытывать на практике всё, что найду. Хуже уже не будет.

Я нажала кнопку. Послышалось едва уловимое шуршание, и штора на узком окошке поднялась, осветив общую комнату тусклым светом.

– Понятно! – кивнув, ещё раз нажала кнопку.

Окно закрылось. Открыв его снова, взяла фонарь и отправилась исследовать откосы на окнах библиотеки. Там тоже нашлась такая коробочка, аккурат за дедовым креслом, и на кухне, и в бабушкиной комнате.

Отчего-то вспомнился разговор с родителями сразу после переезда:

«– Мама, скажи, почему вы решили перебраться за реку?»

– А сама, как думаешь? – она улыбнулась и подвинула мне чашку с ароматным чаем. – Хочу больше времени проводить с семьёй. Работа в госпитале занимает много времени. Долгая дорога, длительная санобработка отнимают его ещё больше. К тому же последние две недели через мост пускают транспорт только в реверсном режиме. А если кто из врачей замешкается? Или дольше пробудет на обработке? Опоздаем к переправе и всё, целый час ждать. А в городке

до госпиталя рукой подать. Да и папе уже давно предлагали работу в закрытом сменном цикле. Рейтинг выше, кредитов больше. Опять же доп.питание.

Я посмотрела на папу:

– А ещё... – он замялся, покосился на маму, но потом продолжил. – Этот дом твой прапрадед строил. А прадед, дедушка и я усовершенствовали с одной целью – выжить в любом случае. Это наш ковчег!»

Вспомнив разговор, вздрогнула. Точно такую же фразу любил повторять дед.

– «Запомни, Рита! Этот дом – наш ковчег. В самые лихие времена он спасёт и от голода, и от холода», – повторила его слова.

И вдруг в памяти всплыло то, что прочла в дневнике. Бункер! Дед писал, что семья там может года два прожить. Значит, один – куда дольше. Где же вход?

Я схватила фонарик и пошла вниз. В который раз метр за метром обшарила подвал. На ощупь прошлась, простучала все стены, заглянула под все коврики и дорожки.

Ни-че-го!

– Нужно поискать в дневниках...

Глава 4

Месяц ушёл на то, чтобы разобрать дедов шкаф, перевернуть каждую страничку тетрадок, прочитать всё, где мог быть хотя бы намёк на тайное убежище или подземное сооружение.

Ни-че-го...

Никакого упоминания о бункере не нашла. Может, плохо искала? Надо будет ещё раз внимательно посмотреть. А меж тем ночи становились всё холоднее. Близился ноябрь.

Помню, дед часто повторял, что нашу семью многие считали странной. Тогда в детстве я не понимала почему. Подумаешь, собрали огромную библиотеку бумажных книг, бабушка сушит и закатывала продукты в банки. Если в этом и была странность, то, что тут такого?

Я до сих пор не разобралась, чем это было. Внутренним протестом, желанием противопоставить себя обществу, стремлением доказать, что каждый человек должен быть личностью? Но тогда мне и самой нравилось быть не такой, как все.

Ещё в детстве бабушка придумала мне прозвище – мышка-норушка. Во-первых, я очень любила историю с этим незамысловатым названием, и всякий раз просила:

– Расскажи мне на ночь сказку про мышку-норушку.

– Да ты её уже наизусть знаешь, – качала бабушка головой.

А я всё не унималась:

– Расскажи, бабуля! Пожалуйста!

Это был запретный приём. Я знала. Она тает, словно лёд на солнце, когда зову её «бабулей», и делает что угодно, лишь бы я её так назвала.

А во-вторых, прозвище привязалась ко мне ещё и потому, что в детстве у меня появилась тайная кладовая. Угостят меня парой печенюшек. Я одну съем, а вторую заверну в салфетку, чтобы не заветрелась, и в жестяную банку положу, «на потом». Дадут конфеты, я одну съем, а остальные туда же, на хранение. Нет, я с удовольствием делилась с родителями, с бабушкой и дедом. Но они постоянно отказывались, а я откладывала «про запас». Жадной я не была. Скорее бережливой.

Пока дед работал на химкомбинате, сладости в доме водились в достатке. Родители даже разрешали делиться с друзьями. Но мне всё чаще казалось, что однажды я захочу конфетку, а её не окажется. И если такое произойдёт, то на этот случай у меня и будет заветная жестяная коробка.

Вообще-то, у меня было две таких. Одна лежала дома в ящике с игрушками. Вторую я прятала в подвале дома на острове между банками с бабушкиными заготовками.

В детстве подвал был любимым местом для игр. Мне нравилось в нём прятаться. Спускаюсь, пока никто не видит, вылезу через заднюю дверь в сад. Бабушка меня ищет по комнатам, в шкафах, под столом и кроватями, а я качаюсь между деревьев в дедовом гамаке, ем яблоки и жду, когда же она меня отыщет.

Кто придумал именно так построить дом, не знаю, но, сколько я себя помню, у подвала всегда было два входа. Один из дома, другой со стороны сада. Выглядел он как обычная хозяйственная пристройка. Не знаешь, так никогда и не догадаешься, что через неё можно в дом попасть. В боковых кладовках хранились инструменты, пустые ящики, шланги для полива и прочая хозяйственная утварь. Был даже генератор, который питал электричеством подвал, а при необходимости его мощности ненадолго могло хватить и на дом. Это позже появился тот, что стоит теперь в котельной. На брикетах. Старый работал на... как дед её называл? Что-то с солью связано. Солярка, что ли?

Передние кладовые от подвала отделяла тяжёлая дверь. Дед говорил, это для того, чтобы тепло из дома на улицу не проникало. Вдоль стен сразу у входа стояли стеллажи с бабушкиными закатками и ящики с песком, в которых она хранила корнеплоды – морковь, свеклу и репу. Мама ругала бабушку, мол, зачем эти громоздкие ящики, когда есть дегидратор. Но бабушка только махала рукой и говорила, что она так привыкла. По старинке.

В кладовке, которую теперь занимают мои припасы, раньше использовали для хранения муки и круп. Бабушка рассказывала, что поначалу это очень не нравилось папе. Он постоянно указывал маме на бабушкину неосмотрительность. Мол, тратит все свободные средства на продукты, которые потом хранит годами. Зачем, если можно пойти и купить? Эх, не знал тогда папа, что вскоре всё изменится и что-либо купить станет попросту невозможно. А то не стал бы браниться. Интересно, неужели все бабушкины припасы съели? Когда мы с родителями перебрались на остров, в кладовке на полках стояли только мои коробки.

Да, бабушка у меня оказалась очень настойчивой. Переубедить её было совсем непросто. Со временем родители перестали пытаться, а дед даже и не начинал. Но вот когда у меня появилась склонность к собирательству, мама сетовала:

– Бабушкины повадки оказались заразны, и привычка прятать «на потом» у Риты явно от неё.

Поначалу меня это пугало. Превратиться в бабушку в 10 лет мне совсем не хотелось. Маме пришлось долго объяснять:

– Стать бабушкой в столь юном возрасте, дочка, тебе не грозит. А то, что у всех есть привычки, так это нормально. Просто у старых людей свои особенности. Бабушка заготавливает продукты, ты собираешь коллекции. А дедушка и вовсе под библиотеку целую комнату занял...

Когда я поняла, что не одна в нашей семье со странностями, жить стало проще и спокойнее. Правда, смущало, что одноклассники и соседи сторонились нас. Пару раз даже слышала, как в спину бросали ругательства и обвинения в сумасшествии.

– Ну и пусть! – отмахивались родители и бабушка. – Пусть говорят, что хотят. Время рассудит кто из нас прав.

Приезжая на лето, я слышала, как шептались соседки за бабушкиной спиной. По их мнению, она была редкостной чудачкой.

– Только представьте! – судачили они. – Елена Максимовна-то наша совсем того... Выращивает на грядках всякий бурьян – подорожник, крапиву, одуванчики, ботву со свеклы срезает. А ещё овощи в огороде выращивает и по банкам в рассоле закатывает. Зачем, спрашивается, если продуктами власти снабжают? Видать, в семействе её жрут много. Не хватает им.

Бабушка лишь посмеивалась. А я нет-нет, да и стала задумываться. Может и правда с моими родными что-то не так? Сколько раз спрашивала бабушку:

– Зачем, ты закатываешь продукты? Мама говорит, у нас есть дегидратор с функцией прессовки. Можно не тратить силы.

А она грустно так отвечала:

– Надеюсь, ты об этом никогда не узнаешь.

Я побоялась спрашивать, почему она так сказала, а бабушка молчала. Теперь знаю, это связано со временем, которое они называли лихими 90-тыми. Дед тоже о тех годах ничего не рассказывал. Говорил только, что страсть к заготовкам и откладыванию всего и вся «на чёрный день» это их с бабушкой первое дитя. Она, страсть эта, появилась лет за десять до рождения моего папы, а может и больше. Так что я со своей страстью к собирательству в нашей ненормальной семейке не очень-то и выделялась.

Мама с папой на пересуды соседей внимания не обращали, предпочитали их не замечать. А дед и вовсе делал вид, что ничего не происходило: оснащал дом всякими штуками, назначение которых мне было не совсем понятно или вовсе не знакомо.

Ну вот скажите, зачем в доме утилизатор – портативный агрегат для переработки и формовки отходов, брикеты из которого используют как топливо для генератора и котла отопления? Зачем, скажите мне, если отопление электрическое, а отходы за кредиты принимает специальная служба? И для какой надобности если есть под боком полноводная река и работающая от неё электростанция, собственно этот генератор на брикетах из мусора? И совсем непонятно, зачем на окнах светонепроницаемые отражающие шторы, если есть солнцезащитные рулонные?

Нужность и важность большинства этих приспособлений я поняла только после смерти деда, когда в конце лютой зимы 2050–2051 года случилась энергетическая война. Люди жгли всё подряд, в надежде согреться. В ход шли тряпки, ковры, мебель, книги. А в доме на острове было тепло и надёжно. В больших ящиках и коробках имелся солидный запас брикетов переработанного мусора и универсальная печь, отапливающая и снабжающая электричеством дом. Всё это богатство бережно хранилось в подвале, накапливалось, экономилось и помогло уцелеть очень многим вещам. Особенно радовалась бабушка. Её мебель не пострадала. Но что они с дедом считали наиболее ценным, так это библиотека, которую удалось сохранить.

Как-то очень быстро из оборота исчезли последние деньги. А те, что остались на руках у населения, стали бесполезны. На них ничего нельзя было купить. Их место заняли кредиты лояльности. И золото.

Я так и не смогла понять, зачем властям это было нужно. Золотые монеты выдали всем, кто принес на обмен старые деньги. Курс был грабительский, а сумма, которую меняли, ничтожна. Помню, как сосед дядя Жора кидался на чиновника, принимавшего у него наличность, и кричал что-то о справедливости. Бабушка потом рассказывала, он хотел поменять на золото все деньги, что у него были, а ему обменяли только крохотную часть. Да ещё пригрозили, если будет бузить, у него отберут всё.

После обмена денег, продовольственные пайки сократили. Потом ещё и ещё раз. Зато в Чернореченске была жизнь. Электростанция на реке давала и свет, и работу.

Вскоре появились беженцы. Они проникали в город, пытались раствориться в толпе. Пришлых без идентификаторов, вычисляли быстро. Но они добровольно покидать Чернореченск не желали. Их выдворяли силой. Ввели военное положение и комендантский час, установили ограничение на передвижение работающих и безработных. Полностью прекратили продажу продуктов, а продовольственные пайки на семью, которыми частично выдавали зарплату, снова урезали. Даже моя любимая кофейня, которая по слухам принадлежала жене одного из городских чиновников, и та закрылась.

Всё изменилось. Нам каждый месяц приходилось привыкать к новым правилам. Не успеешь запомнить одно, нужно учить другое. Весь мир перевернулся с ног на голову. Теперь не я и

мои близкие были ненормальными, а всё вокруг. Но мою семью по-прежнему считали странной. Сторонились, избегали, игнорировали.

Чем старше я становилась, тем больше меня мучил вопрос. У всей этой «ненормальности» есть причина? И родители, и бабушка с дедом были практичными, мудрыми людьми. Они явно к чему-то готовились сами и подспудно готовили к этому меня.

И теперь, после всего, что произошло, наша семья оказалась в куда более выгодном положении, чем прочие. Думаю, мама и папа не предполагали, что погибнут. В закрытом городе их профессии очень ценились. Да и потерять таких специалистов, как они вряд ли входило в планы властей. Родители точно не готовили меня к тому, что придётся выживать без них. Но так случилось. Я осталась одна. Без обеспечения. Без шансов на жизнь.

Прокручивая в голове последние разговоры с родителями, всё больше убеждалась – они не успели что-то сказать. Что-то очень важное. То, отчего будет зависеть, выживу я или нет.

А может, это я что-то упустила? Чего-то не поняла, не запомнила? Вот только чего? Разгадка кроется в нашем доме. Она должна помочь мне продержаться максимально долго и отыскать выход из сложившейся ситуации. И это не бункер, который, кстати, я ещё не нашла. А надо искать.

Где в доме прячется этот «таинственный объект» я понятия не имела. Подвал осмотрела от лестницы первого этажа до двери в сад и обратно несколько раз. Ничего похожего на замаскированный вход не нашла. И тут мне в голову пришла мысль... Сколько себя помню, бабушка не позволяла входить в её спальню на втором этаже. Это потом, когда после смерти деда мы стали часто приезжать за реку и оставаться с ночёвкой, она перебралась на первый этаж в его комнату рядом с библиотекой, а свою спальню отдала родителям. И мама, как когда-то бабушка, так же не позволяла мне туда входить, особенно если её, мамы, там не было.

Вот поэтому я и решила начать поиски с родительской спальни. А заодно посмотреть, что из имеющегося там можно использовать для изготовления энерго-брикетов.

Пришлось прогуляться сначала в подвал, вновь подключить второй этаж. В конце сентября, когда отключала, не сразу сообразила, что за металлический скрежет раздаётся откуда-то сверху. Поняла, только когда вернулась в общую комнату. Вход на лестницу загораживала подвижная стена, которую теперь нужно было поднять.

Захватив на всякий случай фонарик из кухни, я поднялась на второй этаж и замерла у комнаты, не решаясь войти.

– Сколько бы ты ни топталась у входа, проблемы не исчезнут сами по себе. И бункер сам себя тоже не отыщет, – тряхнув головой, пробурчала я и распахнула дверь.

В лицо пахнул едва уловимый аромат маминых духов: чуть-чуть ванили, немного кардамона и бергамота, капля жасмина... В комнате было темно. Видимо, светонепроницаемые защитные шторы на обоих этажах и в подвале опустились одновременно. Я посветила фонариком и обследовала окно. Но плоской коробочки с кнопкой там не оказалось. Обследовать комнату с фонариком оказалось несподручно. Ругая себя за неосмотрительность, вернулась в подвал за дедовым любимым фонарём. Вечным, как он его называл. А заодно захватила пустые коробки для вещей на переработку. Пока поднималась по лестнице, что было сил, трясла походку на термос штуковину. Дважды, едва не выронила, но чудом удержала.

Установив фонарь на тумбочке, нажала кнопку. Комнату озарил неяркий, но ровный свет. Помню, дед говорил, что свечения хватает на пару часов, а потом снова надо трясти.

Первым делом, пообещав себе не расстраиваться и работать быстро, я открыла шкафчик. Трогать одежду родителей не стала. А вот висевшие с боку бабушкины платья, костюмы, куртки, пальто я достала. Странно, почему мама хранила их здесь? Наверное, по той же причине, по которой я отодвинула в сторону их с папой вещи.

В коробку отправились и стопка моих детских рисунков, и хранившиеся здесь школьные тетрадки, отчёты по тестированиям, и даже мой первый подростковый дневник. Как он тут

оказался? Отправив его к остальным вещам, я сразу же передумала, достала и положила рядом с фонарём. Потом полистаю.

Когда с шифоньером было покончено, открыла шкаф. Все бабушкины вещи отсюда также отправились в коробки. Под полкой я нашла стопки перевязанных кулинарных журналов, датированных концом прошлого века и началом этого. В детстве, когда продукты ещё можно было купить, мы с бабушкой любили разглядывать картинки, выбирать рецепты и готовить что-нибудь вкусненькое.

На обложке верхнего журнала красовались пирог с вишней, запечённые баклажаны с помидорами под сырной корочкой и мясо, жаренное в апельсиновой глазури с корицей и гвоздикой.

В животе предательски заурчало. Внутренности стянуло и завернуло в узел. Во рту появился горьковатый привкус.

– Да-да! Намёк поняла! – язвительно ответила я желудку на очередную серию голодных спазмов. – Вот сейчас отнесу коробки в подвал и подумаю, чтобы нам с тобой поесть.

Но желудок, похоже, униматься не собирался. Боль пронзила внутренности так сильно, что я невольно согнулась.

– Ладно! – простонав, я сделала три глубоких медленных вдоха, как учила мама. Стало немного легче. – Журналы идут в переработку! Всё равно продуктов таких теперь не сыскать.

Порывшись в шкафу, я нашла бабушкин ящик с предметами, о назначении которых я даже не догадывалась, две папки вырезок по шитью и вязанию, да старые блокноты. Перелистав и не найдя ничего ценного, бросила поперх остального.

– Может быть, это и нужное, но точно не мне, – пробурчав, компактно уложила все находки в коробки. – Прости, бабуля, но, если ты и правда хотела, чтобы я выжила, не стала бы ругать за такие решения.

Мне пришлось четыре раза спуститься и подняться, чтобы перенести вещи к утилизатору. Возвращаясь в родительскую спальню в очередной раз, споткнулась и растянулась посреди комнаты, больно ударившись коленом. Мой взор привлекли три чёрных пластиковых контейнера, стоявшие под кроватью. Довольно больших.

Поднявшись, я вытянула их из-под кровати и смахнула пыль. А сняв крышку, удивилась и обрадовалась не меньше, чем, если бы пайкомат ненароком взял и осчастливил меня стандартным набором продуктов. Оказалось, мама переняла ту же привычку от бабушки, что и я. Только её запасы оказались внушительными и очень полезными: медикаменты, средства индивидуальной защиты и санобработки, одноразовые инструменты и перевязочные материалы и, конечно, продукты.

Вспомнился давнишний разговор с мамой. Я собирала пластиковый контейнер, чтобы отвезти к бабушке на остров. Она увидела и недовольно покачала головой:

– Ты так и не изжила свою страсть к собирательству?

– Нет... – мне тогда стало очень стыдно.

– Надо же! А я всё думаю, и в кого это я такая? Мама! Ты, оказывается, тоже мышка-норушка, – в груди больно кольнуло, я подавилась словами и, закашлявшись, прошептала: – Была...

Утерев рукавом слезу, спустила коробки на кухню: надо же переписать все эти сокровища. Часы показывали четверть седьмого. Узкая полоска света за окном потемнела. Пришлось опустить отражающую штору, но лампу включать я не спешила. Пока не выясню, сколько брикетов потребляет генератор, придётся жить впотьмах. Ведь скоро зима.

Потрясла немного вечный фонарь и поставила на стол. Слабый свет озарил центр кухни. Неярко, но достаточно, чтобы писать. Открыла ящик, достала амбарную книгу и принялась выкладывать на стол продукты. В животе опять противно заньюло.

– Да помню я! Надо поесть!

Включила чайник, взяла со стола маленькую пачку галет, упаковку белкового паштета и джем. Оглядела будущий ужин и вернула джем на стол...

Голод! Я всегда боялась этого страшного ощущения. Яркой осязаемой картинкой врезался в память тот день, когда после аварии на комбинате мы с бабушкой пришли навестить папу и деда в госпитале. Их только извлекли из-под завалов, отмыли, обработали раны. Но то, что я увидела, ещё долго снилось мне по ночам, заставляя вскакивать и кричать от страха. Худые, посеревшие от истощения лица. Впалые глаза и щёки. Обезвоженные и ослабевшие тела. Жизнь едва теплилась.

– Это чудо, что с такими травмами они выжили, – говорили врачи. – Что продержались так долго без воды и еды.

– Чудо, что силы небесные заступились. Спасли моих родных от голодной гибели под бетонными обломками, – рыдала бабушка.

Голод! Теперь этот монстр маячил прямо передо мной, протягивая костлявые руки, шамкая пересохшим ртом и завывая, словно облезлый пёс на развалинах старой жизни. И от этого воя мне стало жутко до дрожи. Я поёжилась, тряхнула головой, прогоняя тягостные мысли. Но нет... Вой не исчез. Напротив, стал громче. Где-то совсем рядом. За дверью. Здесь. В доме.

Я сжала голову, придавив уши. Не помогло. Вой усилился. Перерос в нескончаемый гул. Словно свора собак одновременно выла, скулила и лаяла вокруг меня.

Бросилась к крану. Открыла. Воды нет. Как это я забыла... Схватила бутылку и плеснула холодную жидкость на руку. Брызнула в лицо. Налила ещё и нырнула в живительную прохладу...

Разом вой стих. А вместе с ним пропали все звуки, что остались по соседству. Смолк холодильник. И негромкое потрескивание вечного фонаря тоже. Меня бросило в жар. И вдруг резкий порыв ледяного воздуха закружил вокруг, окутал колючим покрывалом. Холод. Пробирающий насквозь до костей холод сковал тело. В голове протяжно загудело, кухня погрузилась во мрак. И в это кромешной тьме всё завертелось, замельтешило. Кто-то толкнул меня в спину, и с бешеной скоростью я полетела вниз. В зияющую пустоту...

Очнулась на полу. Холодные плиты быстро вернули ощущение реальности. Поднялась. Осмотрелась. На часах почти половина седьмого. Сколько же я была в отключке? Пару минут? А показалось, что вечность.

– Надо поесть! – прошептала, цепляясь за шкаф.

Сделала кофе, намазала паштет на галеты и села к столу.

– Соберись, Рита!

Уговоры не подействовали. Наверное, потому, что сама себя упрасивала. Если бы это делали мама или папа... Но их больше нет. Экономия экономией, но, если буду морить себя голодом, долго не протяну. А мне нужно выжить. Нужно найти выход из ситуации.

Я откусила галету и открыла амбарную книгу. Последняя запись была сделана вечером дня, который мама провела дома. Ровным красивым почерком она вписала «две пачки кураги» и сделала отметку о третьей, открытой. Мне нравилось, как она выводила буквы. У меня так никогда не получалось.

Крупные слезинки побежали по щекам, а к горлу подобрался удушающий ком. Поперхнувшись, закашлялась.

«Соберись, Рита! Соберись! Не видела – значит, не было. Вдруг родители ещё вернутся?», – гудело в голове, пока пыталась продышаться.

Конечно же я в это не верила. Если бы они были живы, в доме было бы тепло и светло, в кране бежала вода. А пайкомат раз в неделю выдавал бы два больших контейнера продуктов. Я уже не верила, что родители живы. Но так хотелось...

Когда стало немного легче, отхлебнула кофе и наскоро доела. Пододвинув амбарную книгу, принялась записывать и считать продукты.

В школе с математикой у меня проблем не было. Но теперь, воспоминания о родителях путались с мыслями о безрадостных перспективах будущего. Как ни старалась распределить припасы так, чтобы хватило «на подольше» – ничего не получалось. Я и так прикидывала цифры, и этак. То мне хватало до лета, то даже на зиму было недостаточно.

– Придётся идти в подвал делать ревизию.

Тяжело вздохнув, я достала дольку кураги, отправила её в рот и, прихватив амбарную книгу и дедов фонарь, пошла вниз.

Разложив письменные принадлежности на единственной свободной полке, оглядела кладовку. Три пластиковых контейнера с детскими припасами и половина коробок, собранных из пайков – в основном сладкое. Вторая половина – консервы, крупы, макароны. Нужно достать и разложить по дням, чтобы понять, надолго ли всего этого хватит.

– Как дед планировал протянуть несколько лет? – вспомнила я записи в дневнике. – Это сколько же продуктов должно быть в запасе, чтобы семья из пяти человек могла продержаться минимум два года?

После приторно-сладкой кураги захотелось пить. Прихватив тускнеющую лампу, пошла в котельную. Набрала из скважины в бутылку воды. Захватив её с собой, уже собралась вернуться в кладовку, когда увидела две красные кнопки-лампочки, горящие на щитке. Ту, которая побольше, я знала. Это был индикатор холодильного блока. Куда он подключался, мне было неизвестно, но сам блок продолжил работать даже после того, как отключили электричество.

Что включала маленькая кнопка я даже предположить не могла. Никогда раньше не видела, чтобы она светилась или кто-то из моих родных её трогал. А теперь о предназначении этого непонятного включателя-чего-то-там и спросить не у кого.

Мысленно обойдя дом, и не придумав, куда можно приспособить и к чему отнести эту кнопку, решила:

– Как часто повторял дед, я с детства всё и всегда исследовала методом «научного тыка». Что ж! Ткну и на эту кнопку. Хуже уже не будет.

Собравшись с духом и глубоко вздохнув, надавила на красную лампочку и зажмурилась. Рядом со мной что-то тихо зажужжало.

Я открыла глаза. Первое, что увидела – светящаяся кнопка погасла. Сбоку тихо жужжал генератор, а в котельной, прямо у меня над головой, включилась крошечная точечная лампочка. Она была не больше донышка детского стаканчика. Но свет давала ровный и яркий, если сравнивать с дедовым фонарём.

Я склонилась над дисплеем генератора:

– Интересно, насколько его хватит?

Цифры показывали 138 часов непрерывной работы.

– Надо же! Почти шесть дней.

Заглянула в окошко топки. Там виднелись два брикета.

– Отлично! – обрадовалась я. – Пока работает генератор, нужно переработать утиль на новые брикеты.

Загрузив содержимое одной коробки в ёмкость, добавила реагентов и нажала кнопку. Агрегат буркнул и тихо заработал.

– Пошло на лад! – выдохнула я. – Теперь ревизия.

Я поискала выключатель, но его нигде не было видно. Решив, что он может быть в коридоре, вышла из котельной. Надо мной вспыхнула ещё одна маленькая лампочка. Я обернулась. Свет в котельной погас.

– Так вот, видимо, что означает выражение «дежурное освещение»!

В памяти всплыл разговор родителей о том, что папа закончил монтаж системы дежурного освещения, которое поможет значительно сократить расход брикетов для генератора.

– Значит, теперь только этот выключатель и только в крайнем случае. Энергию надо беречь!

Пошла по коридору. Свет следовал за мной. Гас, едва уходила на несколько шагов от крохотной лампочки под потолком, и вспыхивал прямо надо мной или немного впереди. Я невольно улыбнулась. Такое освещение мне нравилось.

– Интересно, это работает только в подвале или во всём доме тоже?

Поднялась на кухню. Свет по-прежнему от меня не отставал. Странно, и почему раньше не замечала на потолке этих крошечных лампочек?

Захватив мамины продукты и хозяйственные запасы, хранившиеся вместе с медикаментами, спустилась в подвал.

На стеллаже сбоку от двери стояли три больших контейнера с тревожной надписью «выживание», сделанной мной ещё в школе. Здесь я хранила свечи, зажигалки, огниво, дезинфицирующие средства, салфетки в индивидуальной упаковке, непромокаемую бумагу, вечные карандаши, герметичные влагостойкие пакеты и прочие необходимые, на мой взгляд, вещи, которые могли бы помочь справиться с экстремальной ситуацией. В детстве папа частенько посмеивался надо мной:

– Ты думаешь, всё это тебе пригодится, случись беде? – спрашивал он.

– Да, – с уверенностью отвечала я. – В книжках написано, что эти вещи очень нужны, когда человек хочет выжить.

– А если придётся покинуть дом и убежать, как тыхватишь всё это добро с собой?

На папин вопрос у меня не было ответа ни тогда, ни теперь. Унести всё это «богатство» на себе попросту нереально. Транспорта у меня нет. Даже на тележку, с которой я ездила к пайкомату, поместится от силы четыре таких контейнера. И они точно должны комплектоваться иначе, нежели сейчас. Там должно быть всё: и вода, и продукты, и средства выживания, и гигиена. Только вот бежать с такой тележкой не получится. А значит, и то малое, что я в детстве предполагала взять с собой, придётся бросить. Остаётся папин рюкзак. Большой, вместительный, с огромным количеством карманов и отделений. Но сколько туда войдёт? И это я не беру в расчёт одежду, тёплые вещи, палатку, посуду...

Скорее всего, папа, дед и его предки подумали о том же, когда оснащали дом всеми этими насосами, скважинами, агрегатами и приспособлениями. Вон, даже бункер сделали.

– Кстати, о бункере! Где же ты есть? Хоть бы какой-то намёк найти... – пробурчала я, раскладывая в дверном проёме маленькую табуретку.

Села, поставила перед собой контейнер и открыла крышку. Я помнила не только каждый предмет, оказавшийся в моей первой коллекции, но и то, с чего она началась.

Как у любой девочки у меня была коробочка с секретами. Но однажды в ненастный день, когда ветер грохотал крышами, рвал провода и ломал ветки деревьев, я услышала, в общей комнате разговор родителей. Подкралась на цыпочках к двери. Но они говорили так тихо, что речь походила больше на невнятное бурчание. Смогла понять только одну фразу папы – «скоро начнётся».

Что должно было начаться, когда и почему расслышать не удалось – под дверью зашевелились тени. Я метнулась в свою комнату и забралась в постель. Проснулась посреди ночи. За окном гремело и сверкало. По крышам и в стёкла отчаянно тарабанил дождь. Изредка за окном что-то шелестело. Стало так страшно!

«Неужели началось» – подумала тогда.

Потом резко всё стихло. И в этой тишине кто-то очень большой, слоняясь по двору, шуршал, царапал стёкла и надрывно завывал, пугая ещё сильнее. Вслушиваясь в странные

звуки, я всё сильнее куталась в одеяло и незаметно уснула. А когда проснулась, на земле лежал снег.

Что должно было начаться, я так и не узнала, а спрашивать у родителей побоялась. Ещё отругают за то, что подслушивала. Но ощущение надвигающейся беды с той ночи меня не покидало.

Из детской коробки с секретами исчезли открытки, наклейки и ярлычки. Теперь в ней хранились спички, дезинфицирующие салфетки и подаренный дедом складной ножик.

Карманные деньги я тратила на предметы выживания, о которых читала в книгах. Любимым местом прогулки стала городская барахолка. Отправляясь туда, я всякий раз боялась, что меня увидит кто-то из знакомых мамы или папы. Но тяга обзавестись чем-то полезным и нужным была куда сильнее страха перед недовольством родителей.

Однажды мне попался старый компас, как уверял пожилой продавец – ещё «советский». Я хорошо помнила, как бабушка часто повторяла:

– В Советском Союзе всё делали на совесть. Не то что теперь. Как в 90-е научились клепать халтуру, так по сей день остановиться не могут.

Её слова крепко засели у меня в памяти, потому решила, что советский компас мне пригодится. Точно зная, где находится север – проверила. Компас оказался рабочий. У продавца нашлось ещё два таких же. Я решила купить и их. А заодно десяток свечей и три коробка охотничьих спичек. За всё продавец просил 450 кредитов. У меня было на 50 меньше. Немного подумав, он согласился и уступил.

– Как оптовика, – укладывая покупки мне в сумку, улыбнулся продавец.

Изредка, когда выходной у родителей совпадал, мы всей семьёй ходили гулять на городскую площадь. Я любила посидеть на уютной открытой веранде кофейни, расположившейся напротив дорогого ресторана. Оба эти заведения всё ещё работали лишь потому, что, как говорили, принадлежали один, жене городского чиновника, другой кому-то из начальства химкомбината. Но точно никто ничего не знал. Да и работники настоящих хозяев отродясь не видали. Только управляющих.

Поглядывая на родителей, я дожидалась, пока они отвлекутся, и прятала в карман разовые приборы в индивидуальной упаковке, порционные специи или сахар, салфетки и средства санобработки. А что такого? Их бесплатно выставляли на стол в большом количестве. Хотя, должна признаться, мне всякий раз было как-то неловко. Утешала совесть тем, что, если не возьму я – возьмёт кто-то другой.

– Вы только полюбуйтесь, – усмехнулась однажды заставшая меня за этим занятием одноклассница Эля Горюновская – Гребёт всё подряд, словно вот-вот война начнётся. Зачем тебе это нужно? Эй, ненормальная!

Мне было безразличны её оскорбления. Я ведь и правда «гребла» всё, что, по моему скромному мнению, могло пригодиться, если вдруг... Что? Сама не знала, чего ждала. Просто ждала. А может, подспудно чувствовала, то ужасное, о чём однажды услышала от родителей. И наполняла коробку «нужностями» и «полезностями».

Вскоре секретной коробки стало мало, и появился первый контейнер с надписью «Выживание». Поверх него всегда лежала большая жестяная банка с печеньем и конфетами. Теми, что давала мне бабушка... Перебирая сладости, я помнила все те разы, когда получала гостинцы. Все до единого.

Так время и шло. Я выросла, но в моих привычках ничего не менялось. Когда узнала, что любимой бабули больше нет, долго уговаривала себя.

«Этого не может быть. Не видела, значит, не было».

Детская отговорка незримо шествовала за мной по пятам, оберегая и защищая. Так мне казалось...

Положив в хозяйственный контейнер сухой спирт, двустороннюю клеящую ленту и антисептики, отодвинула его и достала продовольственный. Все продукты в индивидуальной упаковке. Мама рассказывала, что она застала те времена, когда печенье, макароны или овощи можно было купить «на развес». Правда, маленькой ещё была, но запомнила хорошо. А вот я такого себе даже представить не могла. Когда пошла в школу, продукты уже упаковывали порционно.

Помню, бабушка часто возмущалась, мол, еда всё больше становится похожа на пластик. Безвкусная. Бесплезная. Говорила, что люди забыли аромат и прелесть натуральных продуктов. Как-то я её спросила, что это значит. Она отвела меня в сад и показала маленький огород. Меня удивило то, что там росло. Помидоры и огурцы с бабушкиных грядок, яблоки и груши с её деревьев на вкус и правда были не такими, как те, что выдавали в пайках. У них был ни с чем не сравнимый аромат и очень насыщенный вкус. Какой-то особенно манящий и притягательный. Не то, что еда в школьной столовой – водянистая и неаппетитная.

Пересчитывая запасы, я то и дело вспоминала школу. Нынешняя, по мнению моих родных, сильно отличалась от той, в которой обучались они. Система распределения на общие и профильные классы заведомо делила учеников на привилегированных и тех, кого называли вторым сортом. «Чужаками». В распределении, которым ведал искусственный интеллект, не играло роли кто твои родители. В общий класс могли попасть дети чиновников, если им не удавалось сдать вступительные тесты. А в профильные попадали дети рабочих и к ним учителя относились не хуже, чем к считавшим себя элитой общества.

Система образования была внедрена Высшим советом агломерации: неподкупная, неподвластная никому, кроме самого Совета. Договориться с директором школы невозможно. А с искусственным интеллектом, проводившим тестирование, спорить и вовсе бесполезно.

Ученикам, попадавшим в общие классы, не выдавали учебников. Что успевали записать на уроке – то и было основой для сдачи итоговых тестов. Немудрено, что ребята плохо усваивали программу. Расслышать и успеть законспектировать материал в классе, где галдят сто пятьдесят подростков – та ещё задачка.

На повтор можно не рассчитывать. Искусственному интеллекту вопросы не задашь. Не от кого ждать совета или помощи. Перспективы продолжить учёбу – нет. Надежды на хорошую работу – нет. Да и будущего у выпускников общих классов фактически тоже нет. Что им светит? Тяжёлая, изнурительная, чёрная работа...

Хотя были те, кому удавалось сдать еженедельные тесты. Для них придумали интересную привилегию: получил зачёт – неделю можешь посещать столовую. Это был роскошный подарок. Мечта! Можно попытаться договориться о дополнительных занятиях и бесплатно пообедать, позволив семьям немного сэкономить продукты.

Учеников профильных классов не радовало присутствие в столовой «чужаков». Особенно громко возмущались управленцы. Когда однажды в столовой появился первый ученик общего класса, его чуть не побили. Спас директор.

– Прощу запомнить всех! Больше повторять не буду! Препятствие нахождению в столовой учеников общих классов, верный путь стать их одноклассником. Догадываетесь, какие перспективы вас там ждут?

– Наши родители не позволят подобный перевод! – завопили «управленцы» и громче всех Алёна и Тарас Подопригора, дети одного из городских чиновников.

– Это не им решать. Вы, верно, не знаете, но школа и я, её директор, подчиняемся не городским властям, а Высшему совету агломерации. Запомните это!

Недовольные смолкли и старались больше не приближаться к «чужакам».

Мне всегда было жаль учеников общих классов. Чем меньше тестов они сдавали, тем ниже становился социальный статус и рейтинг лояльности, а значит и перечень профессий,

на которые можно рассчитывать после окончания школы, сводился к минимуму. И оплата за работу меньше. И продовольственный паёк.

У тех, кто не справился с итоговыми выпускными тестами или вовсе не был к ним допущен, дела обстояли ещё хуже. Они могли рассчитывать только на разовую работу по социальным нормам с минимальной оплатой. Их первых исключали из списков обеспечения. К тому же они получали пожизненный запрет на создание семьи. Им запрещалось иметь детей вне брака и потому они подвергались принудительной стерилизации, а медицинская помощь ограничивалась до «экстренной».

Понижения социального статуса боялись все ученики, ведь вылететь из профильного класса – легко, вернуться – нереально. А вот из общего, при условии, что туда определили после первичного тестирования, перейти в профильный было проблематично, и всё же возможно.

За время моей учёбы такое случилось лишь дважды. Но «чужаки» изо всех сил старались воспользоваться этой призрачной лазейкой в системе школьного образования. Видимо, её создатели не сильно надеялись на то, что кто-то будет в состоянии усваивать в полном объёме программу, надиктованную искусственным интеллектом.

Не просто так учеников общих классов называли «чужаками» и «черню». Любому режиму всегда нужен кто-то для грязной работы. А военному – тем более. В нашей стране он установился ещё до моего рождения, и как было прежде я знаю только по рассказам близких.

Получая привилегию недельного посещения столовой, ученики общих классов пытались договориться хоть с кем-нибудь о дополнительных занятиях. Только мало кто соглашался им помогать. Золота на оплату у них не водилось. А за «спасибо» никто помогать не хотел. Кроме меня.

Я мало кому отказывала. Не потому, что мне не важна плата. Я не за золото старалась. Даже если бы они и смогли принести те крохи, что есть у их родителей – не взяла. Так меня воспитывали. А ещё в моей семье было принято помогать друг другу и тем, кто в этом очень нуждается. Не на показ. По-тихому. Молча.

Мне с самого начала не нравилось разделение по классам. Наслушавшись бабушкиных рассказов, я во всём видела неравенство и ущемление прав. Бороться с несправедливостью, «с системой» – верный путь в общий класс, к низшему рейтингу, на дно общества. Родители твердили мне об этом постоянно, по несколько раз на дню. Но несогласие с правилами и было моим слабым местом. Я старалась не выказывать недовольство, но ребята о чём-то таком стали догадываться.

Уж не знаю, кто у них там такой умный оказался, я этого выяснить не смогла, но этот «кто-то» сумел разгадать мою личную заинтересованность. Да, я хотела, чтобы все ребята получали знания независимо от обстоятельств, и этот таинственный «кто-то» просчитал моё внутреннее несогласие и рассказал остальным.

А ещё ребята общих классов от кого-то узнали о моей страсти к собирательству. Видимо, Эля Горюновская разболтала. Она любила посплетничать. Все новости сообщала так громко, что слышали даже мыши на чердаке старой школьной пристройки, оставшейся ещё с бабушкиных времён.

Ребята приносили сахар, джемы, соусы и даже мёд в надежде, что я помогу им с учёбой. Но всякий раз, стоило мне отказаться брать скромные дары, они демонстративно вставали и шли к выходу. Мол, не берёшь плату – не будем заниматься. А этого я никак допустить не могла.

Меня стали поджидать возле школы ребята из общих классов. Доказательств у меня не было, но единственная, кто меня хорошо знала и могла их подослать – Лена Сергач. Мы дружили в начальной школе, но, когда меня распределили в профильный класс, родители запретили ей со мной разговаривать.

Лене не повезло. Мать работала с утра до ночи и дома почти не появлялась. Отец получил низший статус за драку. Его лишили социальных норм на трудоустройство и обеспечения. От этого он всё время ворчал, подьедал всё, что удавалось сэкономить, и каждый вечер, выходя встречать жену с работы, устраивал разборки. Ему уже выдали три предупреждения. Но, даже зная, что за этим последует обнуление статуса всей семьи, а значит, и голодная смерть, он продолжал бузить.

Условий для занятий у Лены не было, и она часто попадала в список не справившихся с недельным тестом. Получалось, даже если отец каким-то образом избежит обнуления, Лена имела все шансы на то, что её не допустят к итоговым годовым испытаниям. Сказать по правде, я за неё переживала. А она только грустно улыбалась и делала вид, что ничего страшного не произошло.

Могла ли она рассказать обо мне остальным? Кто знает? Пару раз по дороге в столовую, я видела, как из коридора общих классов она наблюдала за нами. У Лены от природы был очень странный взгляд. За четыре года начальной школы я так и не смогла привыкнуть к нему. С годами мне трудней было выносить то, как она смотрела.

Казалось, будто она прожигает насквозь, глядя через меня. Слегка опущенная голова немного наклонена. Тёмные, почти чёрные глаза из-под густой чёлки, неподвижны и холодны. Брр... Как вспомню, так страшно становится. Алёна Подопригора иначе как «страшила» её не называла. Но в жизни Лена была кроткой и приятной в общении.

Мне очень хотелось ей помочь. Пыталась подойти, поговорить. Но, всякий раз, завидя меня, Лена убегала. Однажды я даже рискнула зайти к ней домой. Но её отец меня даже на порог не пустил.

Чем старше я становилась, тем больше вопросов у меня возникало. Мне было непонятно это странное разделение на классы, и нежелание руководства школы обращать внимание на тех, кто действительно хотел учиться. Одно дело, лодыри. К примеру, Эдик и Вика из моего класса. Никогда не просили помощи и разъяснений, хотя умом не блистали. Я всё ждала, когда же они провалят итоговые испытания и их переведут в общий класс? Но, каким-то невероятным образом всякий раз им удавалось справиться с тестами, сдать их на минимально допустимое количество баллов и избежать перевода.

– Ваш папаша, что, взломал систему защиты искусственного интеллекта школы? – подшучивали над ними одноклассники.

– Нет! – отвечали они. – Он дал ему взятку и пообещал не отключать воду.

– Ха! – не унимались особо дерзкие. – Можно подумать она в Чернореченске в дефиците.

То, что папа у ребят руководил Центром обеспечения и контроля водо- и энергоснабжения, знали все. Мама же и вовсе заведовала службой распределения и обеспечения работы пайкоматов. Странно было бы, если дети таких чиновников попадут в общий класс. Правда? То, что это вряд ли случится, понимали все в школе. А вот как этим двоим удавалось сдавать тесты – не понимали ни ученики, ни учителя.

Или вот взять Игоря, Милу и Лану из общего класса. Они чаще других успешно сдавали тесты и получали привилегию на питание. И первое, что делали, попадая в столовую, бежали за помощью ко мне. После школы мы шли к кому-нибудь из ребят и пару часов просиживали над уроками. Когда я объясняла, они слушали, открыв рты. Расставаясь, мне хотелось плакать, глядя на их мрачные лица. И почему этим сообразительным ребятам, которые схватывают всё на лету, так не повезло? А я? Чем могу помочь, когда неделя столь быстротечна?

После таких занятий я стала задумываться: возможно, система работает не так, как нам говорят. Может, кроме умственных способностей при распределительном тестировании всё же учитываются рейтинги родителей, их социальный статус? Чем больше занималась с ребятами, тем чаще меня посещали мысли, что я права и их никогда бы не определили в профильный класс. У Игоря и Ланы работали только матери. После закрытия мебельной фабрики, их отцы

перебивались социальным трудоустройством и уже не рассчитывали на постоянную работу. А Милу и вовсе воспитывала бабушка. Её родители погибли в Смутные времена через два года после войны. Говорят, они возвращались из Бинска с заработков и стали жертвой мародёров.

Когда я перешла в выпускную школу, случилось невероятное. Один мальчик из общего класса по итогам годовых тестов набрал максимальное количество баллов и по правилам его должны были перевести в профильный класс. Но ему отказали.

– Правила написаны для средней школы, а никак не выпускников, – сложив руки на груди и безразлично глядя на поникшего ученика, директор прохаживался перед классом. – Я не вижу никакого смысла давать дополнительную нагрузку учителям из-за ошибки программы начисления баллов, сделавшей тебя лидером. Считаю, ты недостойн перевода.

Этот случай окончательно уверил меня, что наше общество это – ларчик с двойным дном. Желание помогать ребятам из общих классов стало только сильнее.

Меня тоже считали случайно оказавшейся в профильном классе из-за ошибки системы. И хотя я училась лучше многих и всего лишь раз завалила тестирование, были те, кто не упускал случая уколоть словом, подначивал, а порой и вовсе откровенно издевался.

– Эй, чернь! Вам в нашей столовой не место! – отмахивались одноклассники от учеников общих классов и, смеясь, смотрели в мою сторону. – Хотите помощи, идите вон к той ненормальной. Ритка вам за еду всё что угодно, разъяснит.

– Она у нас любит много кушать!

– И везёт же Ритке! На фигуре все те сладости, что ей несут, никак не сказываются.

– Как говорит моя бабушка: «Не в коня корм»!

– В данном случае – не в кобылу!

Ребята из общих классов смотрели на меня с нескрываемым сочувствием. Мне же было жалко их. Они просили о помощи. А я? Как я могла им отказать?

В выпускной школе добавилось новое правило. Во-первых, у нас теперь был отдельный, «взрослый» вход. Во-вторых, первыми полагалось проходить ученикам профильных классов. Тем, кому не повезло учиться в общих, поначалу роптали.

Были и те, кто позволял себе не пропускать учеников «с привилегиями», прорываясь через биометрическую рамку вперёд них. Но когда стало известно, что каждый такой прорыв снимает наработанные школьные баллы ученика и понижает рейтинг родителям «за неподобающее воспитание своих чад», бунтарей поубавилось. Они стояли в стороне, ожидая возможности пройти, и только ещё сильнее ненавидели тех, кому позволено больше, чем им.

– Каждый из вас должен знать своё место в обществе! – назидательные лекции директора в большом холле стали еженедельными. – Рейтинг гражданского доверия, который вы получили с переходом в выпускную школу – пропуск во взрослый мир. Чем он выше, – на этой фразе он всегда смотрел на учеников профильных классов, – тем лучше живётся вам и вашим семьям. А если ниже, – пренебрежительный взгляд в сторону учащихся общих классов, – тем больше шансов оказаться за оградой города.

Родителей мои рассказы о лекциях директора совсем не радовали:

– Делают из детей биомассу: покорную, послушную, немую, – качала головой мама.

– Ничем хорошим это не закончится. Вот увидите, – бурчал в ответ папа.

Ученикам профильных классов новое разделение пришлось по нраву. Они неспешно проходили рамку, останавливаясь и разговаривая с одноклассниками, мешали другим. И ребята из общих классов стали опаздывать на занятия, терять баллы.

Они, конечно, пожаловались директору. А тот напомнил нам о «равных правах на получение образования». Из его уст это звучало издевательски. Какие там равные права? Хотя столпотворение у биометрической рамки с тех пор случались крайне редко. «Привилегированные» косились на «чернь», делая вид, что собираются остановиться, но потом, выждав пару мгновений, быстро шли в класс.

По школе уже не шёпотом, а во всё горло кричали о том, что одна ненормальная помогает с уроками за еду. Ну, правильно! Это обо мне! Мне же, как всегда, больше всех надо. И вереница учеников, искавшая встречи, только увеличилась. Были те, кто хотел, чтобы я за них делала уроки или написала конспекты за весь год по всем предметам. Таким лодырям или откровенным наглецам я не помогала. Как-то сразу получилось, что я легко угадывала, кому на самом деле нужна помощь, а кто пришел надо мной подшутить.

Поначалу меня сильно смущали подарки ребят. Каждый раз, когда они приносили джемы и сгущёнку, сахар или кофе, а некоторые умудрялись раздобыть даже сухой спирт или коробок спичек, я оглядывалась по сторонам – видит кто, или нет. Потом стала договариваться с ребятами о том, что плату они будут приносить не в школу, а туда, где мы будем заниматься, чтобы было поменьше разговоров. Но, болтунам рот не заткнёшь! И вскоре директор пригласил родителей на разговор. Так они узнали, что я помогаю ребятам, а они одаривают меня продуктами.

Ох! Дома мне целую лекцию прочли о том, что нельзя обирать и без того обделённых жизнью ребят.

– Мама, пойми! Я рада помочь за «просто так». Только никто не соглашается на таких условиях заниматься, – объясняла я. – Ну, откажусь я принимать их дары, и что? Кому хорошо будет? Кроме меня им вообще помочь некому.

– Я тебя понимаю, Рита – недовольно качала головой мама. – По возможности, старайся отказываться – мы не голодаем, в отличие от них. И прошу тебя! Не рассуждай с этими ребятами на спорные темы, пожалуйста!

– Хорошо, мама! – пообещала я.

– Держи своё мнение при себе. Не то лишняя болтовня может негативно сказаться не только на тебе, но и на семье.

– И поменьше выставляй напоказ эту свою помощь, – попросил папа. – Я выясню, не запрещено ли правилами школы помогать другим учащимся с уроками, а то, как бы хуже не стало.

Не знаю, у кого папа узнавал про школьные правила, может, ещё раз к директору ходил, но оказалось, запрет на помощь одних учащихся другим нигде не прописан. И родители, ещё немного побурчав, отступились, не забыв при том, в который раз напомнить об осторожности.

Занятия с ребятами помогли моей коллекции порядком подрасти. Даже пришлось просить папу выделить ещё один контейнер, чтобы разделить съедобные и хозяйственные экспонаты. С годами моя страсть усилилась и переросла в манию⁵. Даже то, что мне давали дома, я делила пополам, и вскоре под моей кроватью появилось ещё два чёрных контейнера, больше прежних.

С каждым днём наблюдая за моим собирательством, родители выглядели все более удручёнными. Особенно это было заметно, когда они заставляли меня за перебиранием экспонатов. И хотя моё поведение им явно не нравилось, упрёков в свой адрес я не слышала. А вот тихие разговоры за закрытыми дверями о грядущих трудных временах были.

И теперь я понимаю, чего они боялись. Сегодня мы и правда, живём в разобщённом мире. Не только каждый город сам по себе. Каждая улица. Каждый дом. Каждая семья.

– Мир больше никогда не будет прежним! – бывало, в летнюю пору ранним утром заставляла я бабушку в раздумьях у окна в сад. – По молодости мы жаловались, что плохо живём. А теперь что, лучше? Мы хоть, худо-бедно пожили, а дети наши, внуки? Эх, нет у них будущего...

Повздыхав, она всегда шла на кухню, гремела чашками, мисками, кастрюльками, звенела универсальной печкой, а потом выставляла на стол то пирог, то шарлотку, а то и графин с удивительным по вкусу напитком с не менее чудным названием – лимонад. И как у неё он получался таким ароматным и вкусным, если лимонов в доме не водилось?

---

⁵ Мания – сильное пристрастие к чему-либо, крайняя степень увлечённости.

Отправляя в сумку заработанные на репетиторстве стики, я всегда почему-то вспоминала её, мою бабушку.

Казалось, она понимала меня без слов. Всегда и во всём поддерживала, даже, когда родителям это не нравилось. И как бы странным это ни казалось, поощряла мою манию:

– Иди, мышка-норушка! У меня для тебя подарок, – смеялась она, выкладывая передо мной чётное количество конфет или печенюшек. – Неси! Неси в свою норку!

Я закрыла хозяйственный контейнер и открыла другой, с продуктами. Сверху лежали две упаковки брусничного и облепихового джема – по четыре штучки в каждой. Того самого, что так любил папа. Хотела же достать ему на день рождения и забыла. Никогда себе не прощу!..

Этот джем отличался от того, что выдавали в пайкомате. Ароматный, терпкий, вкусный. Больше я подобного не встречала. Две упаковки, последние из тех, что мне достались ещё в школе, принесла девочка из общего класса. Как её звали? Лина, кажется.

Как-то раз я уже доедала обед, когда ко мне подошла худенькая девочка с лицом, усыпанным веснушками. За эту особенность с младших классов вся школа дразнила её «курочкой рябой». А когда Лина подросла, стали звать просто – «рябой».

В день нашего знакомства она попросила растолковать ей теорему. Математика не была моим любимым предметом, но эту теорему я хорошо знала и понимала, потому и согласилась помочь.

– У меня больше ничего нет, – Лина сжалась и оглядывалась по сторонам, ставя передо мной на стол упаковку джема.

Отчего-то мне стало её особенно жалко:

– Это не страшно – отодвигая от себя маленькие пластиковые баночки, сказала я. – Просто так помогу.

– Нет! Я за «так» не хочу! – зашептала Лина. – На нас смотрят, возьми, пожалуйста.

– Ну, и пусть смотрят, – не понимала я. – Убери.

Лина присела рядом и наклонилась ко мне совсем близко:

– Твои одноклассники и так тебя ненормальной считают. А если ещё бесплатно помогать станешь, мало ли что они сделают? Знаешь, как тебя «за глаза» зовут?

– И как?

Это не стало для меня новостью. О том, что в школе у меня есть прозвище, я слышала не впервые.

– Мышка-норушка! – прошептала Лина.

Я улыбнулась. Обижаться на это прозвище не было причины.

– Возьми, пожалуйста, – повторила Лина.

– Хорошо, – я покосилась на хихикавших одноклассниц. – Жди меня после занятий у ограды. Я возьму, но только после того, как ты сможешь объяснить теорему сама. Договорились?

Лина кивнула, и, сунув в сумку джем, вышла из столовой.

Помню, я посмотрела ей вслед и неожиданно поймала себя на мысли, что нашему обществу не нужны умные люди. Иначе, зачем это странное разделение по классам, зачем с детства учат заботиться о социальном статусе и рейтинге гражданского доверия, но не дают возможности его повышать? Даже правило по которому за золото можно увеличить рейтинг составлено так, что простому трудяде столько не накопить. Почему сообразительных детей насильно удерживают в общих классах, не давая возможности учиться?

Когда рассказала об этом случае папе, он в который раз напомнил мне об осторожности.

– Рита, послушай, – усадив меня напротив себя, папа заглянул в лицо и зашептал. – Ты не по годам умная девочка. Если бы учителя знали, какие книги ты читаешь, то давно бы перевели в общий класс. В нашем обществе нельзя выделяться. Это раньше в цене были сообразительные, смекалистые и изобретательные специалисты. Теперь всё не так. Общество сегодня –

это малограмотные, безынициативные, покорные люди, не желающие проявлять себя, неспособные видеть дальше своего жилища, своих потребностей.

– Но ведь вы с мамой не такие. И бабушка с дедом такими не были. Вон, какую библиотеку собрали. Дед говорил, они с бабушкой все до единой книги прочли, а некоторые и не по одному разу.

Я искренне не понимала папиных слов. Ведь если он говорит так обо всех, значит, и о нас тоже. А папа только покосился в сторону видеостены, ухватил меня за руку и потащил в кладовку. И там, усадив на табуретку, продолжил:

– Дочка! Я хочу, чтобы ты запомнила! Никогда ни при каких обстоятельствах не заговаривай ни с кем на эту тему, хорошо? Это очень опасные разговоры. Власти агломерации, и я полагаю те, кто над ними стоят, не желают, чтобы общество размышляло. Им нужна рабочая сила – не умеющая думать, неспособная анализировать, послушная во всех отношениях. Ты всегда была сообразительной девочкой, видела и понимала больше остальных. Но повторяю ещё раз: никогда ни с кем об этом не говори.

– Если услышат, это навлечёт на нас беду?

– Да, родная! Страшную беду. В оцифрованном обществе нет места, таким как мы. И очень важно, чтобы ты держала свои мысли при себе.

Оцифрованное общество! Помнится, когда услышала это выражение впервые, мне представились биороботы. А потом я увидела уборщиков в школьном дворе. Старшеклассники издевались над ними, разбрасывали только что собранный мусор. А они покорно собирали его опять. Безмолвные люди безропотно выполняли работу по социальному распределению. Не поднимая головы. Не смея дать отпор зарвавшимся подросткам, чей социальный рейтинг выше их собственного. Бесправные. С отрешёнными пустыми взглядами. Люди, страшась потерять то небольшое, что у них ещё осталось. И вот это хотят сделать со всеми нами?

Такое будущее меня пугало. Что может быть страшнее, чем потерять индивидуальность? Что может быть ужаснее не иметь воли сделать то, что хочешь? А ведь большинство приняло этот путь, и стройными рядами идёт вслед за теми, кто ведёт их по дороге «в никуда».

Мама часто любила повторять:

– Только сильные личности склонны к здравомыслию. Но и они порой не доверяют здравому смыслу.

Её слова мне тогда казались чем-то странным и нелогичным. Но только став взрослой, я поняла их истинный смысл.

Одно дело знать и понимать, что происходит в обществе, в котором мы живём. И совсем другое, высказывать свои и чужие догадки окружающим, рискуя нарваться на слухача⁶ и понизить социальный статус.

– Раз система играет по этим правилам – нужно приспособливаться. А дальше видно будет, кто останется в выигрыше, – говорил папа.

И они оказались правы. Ох, как правы!

Это в книгах герои могли постучаться в любую дверь и получить помощь. В реальной жизни, где человек человеку волк, людей интересует только их микромир. Мог ли кто лет сто назад подумать, что людей захлестнёт безразличие друг к другу. Никто никем и ничем не интересуется. Всем наплевать, что происходит у соседей. Даже если нападут мародёры – кричать бесполезно, на помощь никто не придёт.

Вот такая она теперь, наша жизнь. От той, что описана в книжках, не осталось и следа, как и от счастливого детства о котором бабушка рассказывала, и от самой лучшей в мире школы. Ни о чём таком я и мечтать не могла.

---

⁶ Слухач – слушающий радиосигналы. В мире Риты – шпион-доносчик.

Моя школа была иной. И дети совсем не такие, как в книгах. Они не бегали на переменах по коридорам, не играли в догонялки, не распевали весёлые песенки. Из класса в класс – строем. В столовую – строем. Домой через биометрическую рамку в колонну по одному. Но всё же для некоторых шалостей они находили и время, и возможности.

Одноклассники и ребята из других профильных классов частенько посмеивались надо мной. А однажды и вовсе решили подшутить – принесли одинаковые стики. Как ни в чём ни бывало, выложили всё это богатство передо мной и, заглядывая в лицо, наперебой стали спрашивать:

- Тебе это нужно, да?
- У тебя же такого нет, правда?

Мне было стыдно сознаться, что именно таких стиков у меня уже десятка три набралось. Оно и понятно, продукты фасовались на двух-трёх фабриках в нашей агломерации и в соседней. Откуда взяться разнообразию? Хотя иногда попадались интересные экземпляры, скорее всего, из очень старых запасов. Но это случалось крайне редко. В основном упаковка была совершенно одинаковой.

Что мне оставалось? Отказываться я не хотела. Смущалась. Брала. Благодарила. И снова смущалась.

Как-то ненароком девочка из общего класса шепнула:

– А ты бери всё, что дают. Даже то, что у тебя есть. Раз ты собираешь, вдруг ещё кто-то тоже увлекается? Вот и будет тебе на обмен.

Я так и делала. И говорила:

– Беру на обмен.

Странно, но вскоре одноклассники мне поверили.

Как-то ранней весной, я тогда училась в седьмом классе, после занятий собралась на остров. Погода стояла отвратительная: моросил мелкий дождь. С каждым порывом ветра он осыпал замерзающими на лету каплями и словно крошечными осколками тонкого стекла, царапал лицо и руки. Я продрогла. Чтобы укрыться от непогоды и подождать автобус в тепле, заскочила в работающую кофейню неподалёку, согреться ароматным чаем и маленькими сдобными булочками, которые здесь выпекали к полудню.

Увы, булочек мне не досталось. Разобрали. Пришлось довольствоваться куском пирога с яблочным джемом, правда, не такого вкусного, как пекла бабушка. Она добавляла в начинку колотые орехи и коричневый порошок с приятным запахом и болезненным названием. Как же бабушка называла эту специю? Вспомнила! Корица.

Когда я уселась за столик, в кофейню вбежали продрогшие девчонки из лингвистического класса. Они прятали лица в ворот курток, а руки в манжеты рукавов, и никак не могли решить, чья же очередь расплачиваться.

Завидев меня, они стали шептаться. Купили чай, пирог и уселись через проход у окна. Всё время оборачивались, хихикали. Но долго за тем столиком не задержались. Разделавшись с пирогом и залпом проглотив чай, они вскочили с мест и ринулись ко мне.

Увидав, как я прячу в сумку лежавшие передо мной сахар и дезинфицирующие салфетки, девчонки, смеясь, вывалили из карманов гору стиков: соль, перец, соус.

- Согреться зашла, да?
- Автобус ждёшь?
- Далеко собралась, мышка-норушка?
- На вот тебе!
- Тащи в свою норку, ненормальная! – наперебой затараторили они.
- Слушай, Ритка! У тебя же предки обеспеченные. Чего ты сахар таскаешь?
- Угу! Всем бы получать по 4-5 коробок в неделю!

– Ничего себе! Мои родители 2 большие коробки только на мамин юбилей получили. А на день рождения папы одну стандартную и одну маленькую.

– Вот и я говорю – Ритка у нас не голодает, потому, что всё в норку тащит, – поглядывая на меня с высока, девчонки болтали без умолку.

Я не желала делиться с ними навязчивым предчувствием. Да и вряд ли бы они меня поняли. Вовремя вспомнив папины предостережения, я соврала первое, что пришло в голову:

– Это для коллекции.

Девчонки стали расспрашивать, что еще собираю. Очень хотели, чтобы принесла показать. Я удачно «отболталась», сказав, что для показа коллекция не готова. В ней ещё нет тысячи экземпляров. К тому же нужна машинка для сварки специального материала, чтобы изготовить чехол для переноски, а её-то как раз нет...

И тут в начале улицы показался долгожданный автобус. Я сгребла со стола «подарки» и встала:

– Спасибо, девочки! Вы щедро одарили меня ценными экземплярами, – поблагодарила я и выбежала из кофейни.

Заскочив в автобус, уселась у окна и покосилась на стоявших у входа школьниц. Они заговорщицки шушукались, хотя, я прекрасно понимала – говорили обо мне.

Автобус тронулся. Девчонки громко рассмеялись и повернули в сторону заброшенного городского парка, от которого осталась ограда и куча ржавого железа, некогда бывшего каруселями. Папа рассказывал, что в детстве родители часто водили его туда. Даже парочка пожелтевших фотографий сохранилась.

Размышляя о том, что девчонки, видимо, следили за мной от школы, я прижалась к запотевшему окну автобуса. Было неловко от того, что соврала им. Дважды. Машинка у бабушки в кладовке была. Даже две и обе рабочие. И материал для чехла со странным названием «двойной полиэтилен» лежал там же, свёрнутый в рулон. Просто мне очень не хотелось никому показывать коллекцию. Какой смысл нарываться?

Позже узнала, что девчонки о такой машинке никогда не слышали, и, решив, что это что-то очень сложное и дорогое, отстали и больше не напрашивались.

Когда добралась к дому бабушки и деда, обнаружила, что на двери моей комнаты висела табличка – «мышка-норушка». Бабушка сказала, дед целую неделю вырезал из цельного куска дерева и украшал резьбой. Выглядела она грубовато, да и поверхность местами оказалась шершавой, но мне нравилось. Нет, не прозвище – к нему я относилась спокойно. Дедов подарок! Необычный. Особенный. Только для меня!..

Я невольно посмотрела вверх. Кладовка с припасами располагалась как раз под моей комнатой. Правда, нас разъединяла ещё бабушкина комната, бывшая дедова, но это ничего. Табличка, которую с такой любовью вырезал дед, всё ещё висела на двери. И хотя, экономя ресурсы, я перебралась на первый этаж, её я ни при каких обстоятельствах в переработку не отправлю. Табличка останется на двери навсегда.

Лёгкая прохлада окутала плечи. Обхватив себя, поёжилась, потёрла руки и вздохнула. Нет, в кладовке не холодно. Это воспоминания... Та бесконечно долгая и холодная весна, в которую на моей двери появилась табличка с прозвищем, стала для деда последней.

И опять память вернула меня к смерти близких. Как же тяжело её принимать! Я видела, как трудно было папе смириться со смертью деда, как болезненно он переживал кончину бабушки. Родителей терять ох, как тяжело. Теперь знаю какво это.

Осознание, что теперь он главный в доме, папе далось не легко. Главный! Значит вся ответственность за маму и меня лежит на нём. Теперь нет и его. И мамы нет. И вся ответственность за меня и наш дом на мне. Как это принять?

Я тряхнула головой, прогоняя тяжёлые воспоминания, и дала себе слово, что не буду думать о родителях. Не буду горевать. Воспользуюсь своим же правилом: не видела – значит, не было. Мне нужно выжить! А если буду скорбеть по невозполнимой утрате, то скорее умру от горя, чем от голода.

Глава 5

Последующие пять дней выдались длинными и тяжёлыми. Все имеющиеся продукты по несколько раз доставались из контейнеров и коробок, сортировались, складывались, делились сперва на месяцы, потом на недели и затем на дни. Мне, то казалось, что отложенного на день слишком много, то чересчур мало. В конце концов удалось найти идеальный вариант, и я принялась упаковывать порции в пакеты. Если съесть всю суточную норму, хватит до начала лета. О том, что будет дальше, я старалась не думать.

Пока занималась планированием жизни, лишённой обеспечения, размышлять о последних событиях было некогда. Нет, о потере родителей я не забыла. Но монотонная работа позволила переключить внимание. Сожаление и скорбь отошли на второй план, а их место заняли математические подсчёты.

За эти дни я ела очень мало, много двигалась, но притом чувствовала себя вполне сносно. Из сэкономленных продуктов получилось собрать пару дополнительных пакетов. Если смогу каждый день что-то откладывать, мне хватит на дольше.

Обрадовавшись такой перспективе, методом простых расчётов выяснила, что могу протянуть где-то до конца лета. А это значит, есть ещё время придумать, что делать после того, как продукты всё-таки закончатся. У меня в запасе почти десять месяцев. А это немало!

К вечеру, расставив все контейнеры на полки, я наконец смогла распрямиться. Спина болела, ноги гудели, но спать не хотелось. Есть, как ни странно, тоже. Налила в чашку горячего кофе, прихватила «на всякий» соевый батончик и пошла в библиотеку.

Оглядев шкафы с художественной литературой, решила, что мне сейчас они вряд ли помогут. А вот дедовы записи и дневники вполне могут натолкнуть на след бункера.

– Где же ты? – листая очередную тетрадь, я старалась отогнать рой гнетущих мыслей, что все рассказы о доме–ковчеге мне приснились. – Ты где-то здесь, я знаю! Не может быть, что это просто детские воспоминания о сказке, которую дед рассказывал, чтобы напугать.

Но на исписанных страницах и вложенных между ними листочках пожелтевшей бумаги не было ни слова о столь желанном мной спасении. Вот чертежей и набросков было много. И больше всего какого-то странного механизма или сооружения, напоминавшего старый вентилятор, некогда хранившийся в кладовке и со слов бабушки принадлежавший ещё её маме. Это круглое «нечто» с лопастями и штифтом посередине, судя по всему, вращающееся, даже снилось мне потом по ночам, пугая скрипом, вжикающим чирканьем и назойливым гудением.

Два дня ушло на перелистывание и перечитывание дедовых записей, а они всё не заканчивались.

– Две полки чертежей, непонятных инструкций, графиков и таблиц. Руки так и чешутся отправить всё это на переработку, – бурча, я складывала и расставляла по местам изученные дневники.

На самом деле я не осмелилась бы избавиться от того, чему только что отвела роль «хлама». Если дед хранил записи, а потом папа тщательно оберегал и поддерживал здесь порядок, значит, всё это было очень ценно и важно для них обоих. Как знать, вдруг записи ещё понадобятся. Может они помогут мне выжить, если про меня, конечно, кто-нибудь вспомнит.

Приступая к исследованию третьей полки, я уже не надеялась найти что-то полезное. Стопка технических чертежей, аккуратно сложенных в папки и подписанных непонятной

аббревиатурой. Книги по механике, проектированию и электрике в два ряда. А по соседству необычно бесформенная стопка журналов, тетрадей и альбомов.

Я попыталась аккуратно достать. Не получилось. Торчащие во все стороны углы, задевали стоявшие рядом книги, цеплялись за стенки шкафа и не желали покидать полку.

– Вы не с той дамочкой связались! – ехидно процитировала я реплику героини одной из книг, некогда прочитанных мной.

Погрузив в шкаф обе руки, ухватила всю стопку разом и потянула на себя. Видимо, слишком резко. Бесформенная кипа превратилась в лохматую бумажную кучу на полу.

– Да что ты будешь делать? – разочарованно отступая в сторону, я стряхнула устроившийся на моих ногах журнал.

Под ним показалась толстая то ли тетрадь, то ли книга с яркой зелёной обложкой, по которой бурыми потёками расплзлся растительный орнамент.

Собрав бумажное безобразие в стопку приличного вида и водрузив её на край стола, я уселась в кресло. Толстая пёстро-зелёная тетрадь в твёрдой обложке никак не увязывалась в моём понимании с дедом и его техническими книгами, по большей части одетыми в скучные чёрные, серые и коричневые обложки, реже синие и тёмно-зелёные, но всегда однотонные или с незначительным техническим рисунком, выведенным схематически белыми линиями.

– И откуда ты здесь взялась, странная книжка–тетрадка?

Я перевернула её лицевой стороной. На обложке аккуратным почерком бабушки было выведено: «Кулинарная книга дядюшки Голода». Первая страница была исписана красной пастой, и озаглавлена как «Предостережение потомкам. Письмо из прошлого в будущее». По спине пробежал неприятный холодок. Стало страшно. Это ведь мои родители и... я... Я тот самый потомок. И я живу в бабушкином будущем. Пока ещё живу...

Решив, что хуже, чем есть точно не будет, глубоко вздохнула и прочла:

«Не знаю, переживём ли мы это смутное время. Продуктов в магазинах нет. Если и выбрасывают что-либо на прилавок, очереди выстраиваются такие, что в хвосте не имеют ни малейшего представления о том, за чем стоят. Надеюсь, огород и сад не дадут нам протянуть ноги.

Эту тетрадь для записи кулинарных рецептов, подарила мне моя мама. Думала, никогда не найду в себе силы открыть этот пакет, хотя и знала, что внутри. Сама выбирала, покупала упаковочную бумагу, заворачивала, украшала бантом. Всё, как она просила.

Мама очень любила готовить и хотела, чтобы я записала рецепты, те, что она ещё помнила. Жаль, не успела...

Утром мы поговорили о подарке, и я ушла в магазин. Мама очень настаивала, чтобы тетрадь была куплена именно в этот день.

Меня не было с ней, когда она умерла. И парадокс в том, что умерла она от голода, пока я покупала тетрадь для записи кулинарных рецептов. У мамы был рак желудка. Последние два месяца она не могла есть. Мы кормили её через капельницу. Мама сильно похудела и была похожа на узника концлагеря.

Страшно даже думать об этом. Но я пишу.

Пишу, чтобы помнить и не забывать».

Далее имелась приписка. Тоже красной пастой, но более блёклой. Видно было, что чернила в стержне слегка засохли и писали неравномерно. То, что так бывает, я узнала от бабушки, когда однажды нашла её старую ручку под диваном.

Надпись гласила:

«Прилавки магазинов по-прежнему пусты, а зарплаты и пенсии не платят по несколько месяцев. Тетрадь пролежала четыре года и теперь, когда страна катится под откос, и многие вскоре умрут от голода, я постараюсь сохранить рецепты, которые, надеюсь, помогут выжить мне и моей семье.

Упаси Господь кому-то ещё оказаться на пороге голодной смерти!

Мне очень тяжело, но я пишу. Чтобы помнить и не забывать. В память о маме. В память обо всех тех, кто умирает от голода сейчас. В память о тех, кто голодал в Великую Отечественную войну – моих родных и близких, тех, кого застала, и кто сгинул в лихолетье.

Я должна выжить. И должна научить выживать моих родных».

Меня затрясло. Не всё я поняла дословно, но смысл был ясен. И то, почему бабушка никогда об этом периоде жизни не рассказывала – тоже. Оказывается, они с дедом пережили нечто подобное тому, что ожидает меня. Вот только огород и сад меня, увы, не спасут.

Пальцы дрожали, когда я переворачивала страницы. Мелким почерком на три с лишним листа следовал перечень рецептов и способов заготовки продуктов. Всё то, что хранилось в тетради. Блюда экономной кухни, варианты ассорти из дегидрированных овощей быстрого приготовления, сушёные травы для целебных и питательных отваров, совместимость овощей, фруктов и специй, длительное хранение круп и белковых продуктов.

О некоторых я даже не слышала. Другие – давно не выдавали. Но и из того, что хранилось в кладовке, как оказалось, можно приготовить разнообразно и вкусно. А главное, многие блюда почти не требовали расхода энергобрикетов.

Интересно, почему бабушка думала, что тяжёлые времена вернуться, и люди вновь будут голодать и искать способ выжить? Наверное, предчувствовала. А может, точно знала. Оттого и закатывала банки с огурцами, редиской и перцем, тушила, варила, мариновала, автоклавиrowала, в надежде, что её труды спасут нас от голодной смерти.

– Знала бы ты, бабушка, как мне нужны твои заготовки! Только вот где они. Неужели мы всё съели?

По правде сказать, верить в это не хотелось. Может закатки тоже «то ценное», что дед велел перенести в бункер в свою последнюю весну? Это бы мне очень помогло.

– Где же ты прячешься, чудо инженерной мысли моих предков? – сдавив ладонями внезапно отяжелевшую голову и зевая, я встала и побрела в комнату деда, ставшую теперь моей. Спать.

Проснулась неожиданно посреди ночи с мыслью, что уже неделю дом работает от генератора.

– Вот я растяпа! – не с первого раза попав ногами в тапочки, накинула на плечи кофту и побежала в котельную.

Спать я ложилась не раздеваясь. Всё же на дворе конец осени и в доме заметно похолодало.

– Как сразу не сообразила проверить все ли приборы отключены? – ругала себя, открывая бытовой щиток.

Раньше я в него не заглядывала. Знала о его назначении, но за расходами тепла и электричества всегда следил папа. Хорошо, что он сообразил подписать кнопки. И хорошо, что все лампочки над ними оказались выключены. Все, кроме одной.

Холодильный блок. В нём ещё оставались продукты. Немного, но таких, что на полку не поставишь. Больше всего было банок с солёной зеленью, овощами и чесноком. Бабушка и мама складывали их в перерабатываемые пластиковые банки и закупоривали герметичными крышками. В холодильном блоке они могли храниться по несколько лет. Но теперь, нужно экономить каждый энергобрикет и держать на кухне включённым огромный блок – расточительство. Потому я решила первым делом съесть всё, что там хранилось.

На полках кроме зелени лежали упакованные в ёмкости отварные грибы, корнеплоды и птица в вакуумной упаковке. А в шкафу нашлись дегидрированные овощи: баклажаны, зелёная фасоль да баночка с остатками смеси из сушёного лука и морковки.

Что из всего этого можно приготовить я не знала. И хотя забота о завтраках, обедах и ужинах входила в мои обязанности, дегидраты я использовала крайне редко. В основном смолотые в виде приправы. Готовить из полностью обезвоженных продуктов мне ещё ни разу не доводилось. Выручила бабушкина тетрадь.

Изучая рецепты, я думала о том, как циклична жизнь. Больше шестидесяти лет назад они спасали от голода бабушку и деда, а теперь будут спасать меня.

Запасов из недр холодильного блока хватило, чтобы наготовить еды на три недели вперёд. Раскладывая овощные салаты и рагу из баклажанов, птицы и корнеплодов, приправленных зеленью с чесноком, я радовалась. Вакуумные контейнеры способны сохранить при комнатной температуре свежесть продуктов до двух месяцев. А значит, порционных пакетов из кладовки мне хватит на подольше. На целых три недели.

Оставалось разобраться с расходом энергобрикетов на отопление. Я листала один дневник за другим, но пока мне не удалось найти даже упоминания об этом мудрёном агрегате. Так, натянув свитер и закутавшись в одеяло я и уснула.

Под утро меня разбудил лай собаки. Не такой пронзительный, как тот, что слышала тогда перед обмороком. Откуда она тут взялась? Подойдя к окну, я аккуратно выглянула за светоотражающую штору. И, правда! Прямо посреди улицы стояла беспородная собака и на кого-то отчаянно лаяла. Тело её напряглось и нервно подрагивало. Она то припадала на передние лапы, то отталкивалась ими от земли и подпрыгивала. Опять припадала, наступала на неведомого мне противника, и, вдруг, сорвавшись с места отбегала в сторону. Снова подпрыгивала и вновь пятилась назад.

Потом появились военные с длинными палками и петлями–удавками на конце. Медленно подходили они к собаке, окружая и отвлекая криками. Один зашёл со спины, изловчился и накинул удавку на шею. Собака забилась, заскавчала...

Что было дальше – не видела. Обзор закрыла подъехавшая машина. Когда же всё стихло, я задумалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.